

ЖУРНАЛ «НЕВСКИЙ БОГОСЛОВ»

Изданию присвоен гриф «Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви» свидетельство 47 от 20 января 2011 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-39712 от 07 мая 2010 года.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЬСТВА:

191167, Россия, Санкт-Петербург,
наб. Обводного канала, 17,
Санкт-Петербургская Духовная Академия.

ТЕЛЕФОН: +7 (812) 717-39-89

ФАКС: +7 (812) 717-86-07, 717-39-84

E-MAIL: izdatspbda@gmail.com

АДРЕС САЙТА ИЗДАТЕЛЬСТВА: izdat-spbda.ru

E-MAIL ДЛЯ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ:

nebo.editor@gmail.com

АДРЕС САЙТА ЖУРНАЛА: nebo-journal.com

Тираж 5000 экз.

Подписано в печать 26.03.2018

Дата выхода в свет 06.04.2018

Цена свободная

Отпечатано в типографии ООО
«Аргус СПб» 198320, г. Красное
Село, ул. Свободы, дом 57, лит. Д,
пом. 6-Н, каб. 503
Заказ №27

ЕЩЕ О НАС:

[flickr.com/photos/spbpda](https://www.flickr.com/photos/spbpda)

[youtube.com/user/spbpda](https://www.youtube.com/user/spbpda)

[facebook.com/groups/spbda](https://www.facebook.com/groups/spbda)

vk.com/theologia_spbda

[instagram.com/spbpda](https://www.instagram.com/spbpda)

soundcloud.com/spbpda

twitter.com/spbpda

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Сергей Маляров

ФОТОГРАФИИ:

Евгений Комаров

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР:

Александр Привалко

ВЕРСТКА, ДИЗАЙН,

ДОПЕЧАТНАЯ ПОДГОТОВКА:

Юлия Гринько

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дмитрий Волужков,
иеромонах Афанасий (Букин),
Владислав Капитонов,
Священник Игорь Иванов

Приветствуем вас в номере НЕБА, посвященном творчеству!

Так вышло, что по мере составления номера о творчестве мы углубились в творчество литературное, хотя в номере есть прекрасные статьи и о музыке, о современном искусстве и, традиционно, о кино.

За этот номер можно гордиться: в нем нашли силы и время оставить свои тексты замечательные и знаменитые люди, и тексты их полезны и прекрасны. Поэтому не станем утомлять долгим вступлением и желаем приятного чтения 22 номера журнала Санкт-Петербургской Духовной Академии НЕБО.

Содержание

Евгений Водолазкин Настоящая литература это борьба с невыразимостью	4
Архиепископ Амвросий Безмолвная поэтика музыки	10
Протоиерей Кирилл Копейкин Harmonia Mundi: история и современность	14
Протоиерей Евгений Горячев Памяти великого «фалангиста»	22
Архимандрит Симеон (Томачинский) Культура помогает стать настоящим человеком	26
Сергей Маляров Путь художника. Немного о том, как начать писать	34
Сергей Шмеман Человек, который умел возвышать повседневность	42
Петр Тренин-Страусов «Безумно холодно стало в мире... многие захотели быть Пушкиными и забыли про нянь и святых»	50
Давид Бобров Культура “свободы”, создающая рабов	58
Протоиерей Евгений Горячев Вслушиваясь в другой барабан	66

НАСТОЯЩАЯ ЛИТЕРАТУРА ЭТО БОРЬБА С НЕВЫРАЗИМОСТЬЮ

Евгений Водолазкин

Оглядываясь на себя двадцати-двадцатипятилетнего, что бы Вы себе посоветовали? Как бы Вы порекомендовали себе себя изменить, что делать ежедневно? Какие вещи Вам сейчас помогли бы?

Да, вопрос хороший. Это, так сказать, охватывается поговоркой: «Если бы молодость знала, если бы старость могла». Я думаю, что ничего не изменилось бы от моего знания. Люди редко учатся на ошибках чужих, да и на своих – не всегда. Человеку говоришь: «Не ходи туда», но он ведь туда именно и пойдет. Это свойственно и молодости, и возрасту, который мы скромно называем зрелостью.

Недавно я был в Буэнос-Айресе, и мне сказали: ходите всюду, а в этот район не ходите, там опасно. И я пошел именно туда. Не знаю зачем. Наверное, потому что молодость не ушла. А если говорить серьезно, то я бы повторил мысль, высказанную когда-то Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Он говорил это когда-то давным-давно, но тогда я это не прочувствовал. Я услышал ушами, но не услышал сердцем. Он однажды сказал: «Старайтесь не поступать дурно, потому что в старости из-за этого очень стыдно». Мне это, естественно, показалось правильным, но, как я уже сказал, это не затронуло каких-то моих глубоких струн, а сейчас я понимаю, что это такое.

Сейчас, когда вспоминаешь какие-то свои поступки или слова, то думаешь: если бы это всё отменялось назад, как ки-ноплёнка, не сказал бы или, наоборот, не промолчал бы где-то. Это чувство часто испытываешь по отношению к людям, которых уже нет на свете, перед которыми ты не извинишься, не объяснишь, что ты всё понял. Это уже откладывается до какого-то общения там.

В свое время я никаких рецептов не слушал. Но, поверьте, в зрелом возрасте человек копается в себе больше, чем

в молодости. В молодости человеку нечего вспоминать. В зрелом возрасте и в старости человек вспоминает прошлое в деталях, особенно детство.

Я помню, сколько у меня было дурных поступков, когда я был ребенком. Сейчас я понимаю, что дети очень часто совершают такие поступки - едва ли не чаще, чем взрослые. Потому что они еще не понимают цену добру и злу, не знают цену боли. Поэтому надо верить на слово старшим в том, что потом будет стыдно. Знаете, в юном возрасте хочется, так сказать, земных благ: денег, успеха, славы. Но с возрастом начинаешь понимать совсем другие вещи: то, каким ты останешься в памяти, а главное – удалось ли тебе стяжать Духа Святого, или нет. С этой точки зрения очень важно иметь такую молодость, за которую будет не стыдно.

После того, как ректор Академии архиепископ Амвросий прочитал «Лавра», он купил очень много экземпляров и стал дарить студентам. Наверное, 70% Академии прочли «Лавра», и я думаю, что для них будет интересно Ваше мнение, как мнение современного агиографа, о том, каким должен быть священник.

Прекрасно то, что все священники разные. Я видел множество священников, исповедовался им. Собственно говоря, в исповеди осуществляется наиболее важный контакт между священником и мирянином, и я понимаю, что одному нужен такой крутенький батюшка, другому наоборот, либерал, который бы сошелся с ним в каких-то жизненных основах. Третьему нужен такой, который бы пожалел, четвертому – который бы поругал. И люди ищут тех священников, которые

им близки. И слава Богу, что они все не похожи. Идеальных священников, видимо, нет.

Но если вы спрашиваете, какой священник ближе мне, то я бы сказал, что предпочитаю иметь дело с людьми, безусловно убежденными в своей вере. Мне нравятся люди, которые осознают свою и мою свободу, осознают путь как постоянный выбор, взгляд которых широк. Не беспредельно широк, а в той степени, чтобы я мог реализовать свою свободу – до тех пор, пока она, по крайней мере, направлена на благо.

Я знаю, что есть люди, которые на каждый свой шаг, на каждую поездку, на каждую купленную кастрюлю просят благословение. Я не принадлежу к числу таких людей, хотя прошу благословение часто. Я считаю, что я – взрослый человек, у меня есть определенная свобода, и священник — не нянька. Это человек, который говорит тебе, что можно поступать так и так, а выбираешь ты.

Я плохо себе представляю, чтобы я, так сказать, был в роли детсадовца при священнике. Здесь во мне говорит не гордыня, а как раз осознание ценности свободы.

Другое дело, что монахи нередко передают свою волю старцу. Это мне хорошо понятно. Если бы я когда-нибудь стал монахом, то, наверное, мог бы представить себя и в таком качестве. Но, будучи мирянином, я думаю, что священник нужен в качестве руководителя и друга. Мне всегда везло на таких священников, и всегда, где бы я ни жил, я таких людей встречал. И в Киеве, и в Мюнхене, и в Петербурге. Бог каждому даёт то, что ему нужно.

Хотелось бы спросить про не так давно отошедшего в вечность профессора

Академии Гелиана Михайловича Прохорова. Вы дружили. Расскажите о нем.

Надо сказать, что все воспоминания, связанные с Гелианом Михайловичем, очень яркие, потому что он сам был ярким человеком. Ярким и светлым. Его свет сказывался во всем. Есть люди, с которыми легко. В общении с самыми разными людьми Гелиан Михайлович оставался самим собой. Это человек, который всегда был положительно настроен и не терял присутствия духа.

Вы знаете, как писатель, могу сказать, что сложнее всего описать хорошего человека. Плохого – очень легко. Когда говоришь о хорошем, слова становятся пластмассовыми. Я могу сказать, что Гелиан Михайлович был одним из самых достойных людей, каких я видел в жизни. И одним из самых добрых. Если бы мне предложили описать хорошего человека, я бы описал Гелиана Михайловича.

Вы ведь знаете, что он собирался стать летчиком? Гелиан Михайлович проучился несколько лет в военном училище, но потом понял, что это направит его жизнь не туда. А выяснил он это, встретив Льва Николаевича Гумилева, который стал его крестным отцом. Под влиянием Льва Николаевича Гелиан Михайлович оставил свою первоначальную мечту о небе. Точнее, я бы сказал, что небо он начал понимать в метафизическом смысле. Ему удалось как-то комиссоваться, потому что, если бы он просто ушел, у него были бы большие неприятности.

У Гелиана Михайловича не было чувства опасности. Вот один пример. Как-то в 70-е годы он был в командировке в Болгарии, и там ему передали воспоминания белого офицера, эмигрировавшего в Софию, с тем чтобы он переслал их Солженицыну. Солженицын тогда писал «Красное Колесо» и просил присылать ему мемуары участников войны, свидетелей времени. И Гелиан Михайлович, не испытывая никаких сомнений, послал переданный ему текст по почте со своим обратным адресом и письмом, в котором говорил, какой Александр Исаевич для него близкий и родной человек.

Солженицын ему ответил. А Гелиан Михайловича взяли в «разработку». За ним установили внешнее наблюдение: повсюду его стали «сопровождать» два сотрудника КГБ. Причем, как я понимаю, особенно не скрываясь. Это, конечно, не повышает настроения, но Гелиан Михайлович сначала по-философски к этому относился – пока не начались более жесткие действия. У него дома устроили обыск. Его вызвали на допрос, который продлился тринадцать часов. По окончании допроса ему сказали, что сейчас его выпустят, но дело не окончено, и следующий допрос, по-видимому, окончится арестом. Он рассказал об этом Лихачеву. И Дмитрий Сергеевич, который очень не любил партийное начальство, пошел к Романову (Григорий Романов – секретарь ЦК КПСС (1983—1985 гг.), первый секретарь Ленинградского обкома КПСС (1970—1983)). - Прим.

ред.) просить за Гелиана Михайловича. Романов его холодно принял, но после длинной беседы пообещал вмешаться.

А сам Гелиан Михайлович пошел ко Льву Николаевичу Гумилеву и спросил, что ему делать. Он, я думаю, рассчитывал на совет относительно того, что говорить на допросах. Но Лев Николаевич, кажется, уже смотрел на шаг вперед. Он считал, что арест неизбежен, и сказал Прохорову: «Геля, старайся больше есть. Всё, что тебе дают, – съедай».

После того как Лихачев побывал у Романова, «наружку» сняли. Лихачев после этого сказал ему: «Помните, что Вы живете на острове (имея в виду Отдел древнерусской литературы. - Е.В.). И будьте осторожны». Осторожным Гелиан Михайлович не стал, но его уже и не трогали.

А вообще в нем была какая-то удивительная естественность. Собаки (а они хорошо чувствуют людей) в его присутствии умиротворялись. Увидев любую собаку – домашнюю или дикую, – Гелиан Михайлович подходил к ней и начинал гладить. Присутствующим казалось, что собака его тут же укусит. Но нет: собаки понимали, что человек он абсолютно не агрессивный. Это, кстати, толстовское качество.

Доктор Маковицкий вспоминал: когда они с Толстым приехали на какую-то станцию – а Толстому тогда было 80 лет, – выскочили откуда ни возьмись собаки и стали лаять на лошадей. Лошади испугались и чуть не понесли. Тогда Лев Николаевич вышел из кареты и стал собак успокаивать. И они замолчали. Это удивительное качество родства с природой, когда ты в ней – свой человек. Вот это было и у Гелиана Михайловича.

Было много и грустных, и смешных историй. Это целая жизнь, ведь мы вместе проработали 30 лет. Уход Гелиана Михайловича – это огромная потеря. Мне очень его не хватает.

Вопрос как к писателю, который признан одним из ведущих писателей России. Вы стали сравнительно недавно писать фикшн. Расскажите о методе обучения. Это были какие-то курсы, книги? Это были люди?

Нет. Я мог бы сказать, что учился сам. Пожалуй, так и скажу. Сейчас существует масса разных школ. Они помогают начинающим авторам, и хорошо помогают. Они учат писать, они способны любого довести до среднего уровня – даже не очень одаренного человека. Но выше среднего – это дело личного опыта, а скорее – дара, который дается, наверное, свыше. Разумеется, дар не исключает активности самого начинающего писателя.

Достичь среднего уровня несложно. Это можно

сделать на филфаке, в какой-то школе, в институте. У писательства есть своя, так сказать, техническая сторона. Как и большинство других сфер деятельности, писательство - это во многом ремесло. Впрочем, это касается не только писательства, но и других видов искусства. Например, живописи. Прежде чем уйти в полет, Пикассо, Малевич, Филонов рисовали вазу, а потом какие-то диски и конусы. Так овладевают техникой. Мастерство - это то, к чему человек приходит через опыт.

Есть люди, обычно молодые, которые принимают свою неплохо разработанную технику за литературу. Но это не литература. Я, к сожалению, всё это знаю, потому что мне приходит большое количество подобных текстов. И вот, такая орнаментальная проза, с предложениями и фразами набоковского типа, напоминает хорошо декорированную стену, за которой ничего нет. То есть, вот она стоит, ты ее обходишь - а там ничего. Литература - это состояние духа, это повышенная «энергетичность» пишущего. Есть тексты, наполненные энергией, которые, может быть, сделаны не очень хорошо. А есть тексты «тип-топ», но в них нет никакой энергии вообще.

Бывают авторы, которые начинают очень хорошо, пишут грамотно, а потом приходят к какой-то безжизненности - и перестают писать. Таких писателей много. Я принадлежу немного к другой категории. Я долго ничего не писал, ведь я поздно начал. Просто, писать я начал тогда, когда у меня появилось что сказать. Я почувствовал, что во мне есть какие-то импульсы, которые я могу адресовать окружающим. Пока эта энергия, с Божьей помощью, идет, но она может завтра закончиться. Это происходит внезапно. В юности я прочитал, что Томас Манн, уже в зрелом возрасте, начиная каждый новый роман, боялся, что у него не получится. Я думал: есть порядок слов, виртуозная техника, только на этом можно написать хороший роман. Теперь понимаю, что он глубоко прав. Буквально только что я закончил читать роман одного писателя, который в свое время написал несколько потрясающих вещей. А новый роман оказался хорошо сделан с точки зрения пропорций, развития действия, диалогов - не подкопаешься, а ничего за этим нет. Нет мощи, которая у него была.

Литература и литературная техника - это разные вещи. И, знаете, мне всё больше кажется, что графоман - не тот, кто плохо пишет или много пишет. Графоман может писать даже хорошо. Я знаю графоманов, которые пишут легко и изящно. Но главное качество графомана, на мой взгляд, это производство текста, за которым нет никакой «энергии». Эта такая расплывчатая категория - «энергия», но тот, кто любит литературу и знает ее по-настоящему, понимает, о чем я говорю, будь он писатель или читатель.

Есть тексты, которые просто не оставляют следа, будучи хорошо написанными, а есть какие-то корявые тексты, какие-то такие - палкой выцарапанные, но очень живые и настоящие. Вот это литература. И этому научить, по сути, нельзя: ни один из наших классиков не оканчивал ничего такого, что продвинуло бы его в области литературного творчества.

На самом деле, человек, имеющий хорошее ухо, хороший глаз – он выучится сам, просто запоминая хорошее словосочетание, построение фразы. Недаром Леонов советовал молодым людям – начинающим писателям – переписывать классиков. Просто сидеть и переписывать. Это очень недурной совет. Тыходишь в этот ритм. Но, я повторяю: все эти приемы только развивают технику. Это рама, а портрет ты пишешь уже при помощи каких-то, с одной стороны, собственных ресурсов, с другой – при помощи свыше.

Когда в сказках провожатый подводит героя к тому месту, где он должен побеждать какое-то «чудище», и говорит: «Дальше я идти не могу», – вот это место и есть литературная школа. А дальше ты идешь один сражаться с этим «чудищем». Я даже обозначил бы того, с кем мы сражаемся, когда что-то пишем, – это невыразимость. Есть масса невыраженных или невыразимых вещей, которые существуют, а мы ходим вокруг – и только руками разводим. А потом приходит какой-то человек и говорит: «Да это же, на самом деле, легко назвать». Вот для меня таким классическим примером названия неназванного и выражения невыразимого являются, скажем, некоторые высказывания Набокова. Например: «Раковинный гул вечного небытия». Мне кажется, что это выражение гениально отражает состояние человека, который не верит в Бога и боится смерти.

«Раковинный гул вечного небытия» – это когда к уху прикладываешь раковину, и она гудит – и ничего больше. Это ужас, который испытывает человек. Или, например, Гоголь – наиболее глубокий мистик в русской литературе, на мой взгляд, и мой любимый писатель. Ведь не скажешь, что он какой-то такой сверхтонкий стилист – не это в нем интересно. Просто его слово несет какую-то невероятную энергию. И он, описывая совершенно бытовые вещи, затрагивал такие сферы, что только диву даешься. В этом смысле примером являются «Старосветские помещики» – вещь сверхгениальная. Рассказывая о быте, Гоголь вошел в такие сферы, в какие вообще, по-моему, никто не входил.

Поэтому, резюмируя, я скажу, что литература – это вовсе не умение красиво писать. Настоящая литература – это метафизический диалог

с какими-то силами свыше. Пока этот диалог существует, существует литература и писатели. А может быть и иначе: диалог закончился, а человек всё пишет, и тогда это совершенно пустой текст. За ним ничего нет.

Ваша любимая книга?

«Робинзон Крузо». История блудного сына, по сути. Я ее с детства очень люблю. На самом деле у меня очень много любимых книг. Называю её, потому что легко объяснить, отчего она любимая. Я мог бы назвать полное собрание сочинений Диккенса, которого я читал в детстве и бесконечно любил, мог бы назвать «Пиквикский клуб», но это уже такое расширение. Мог бы, конечно, сказать, что это Библия. Так говорят иногда, но это не совсем честный ответ. Библия – это больше, чем книга.

Дефо, по-видимому, был человеком проблемным, но написал гениальную книгу. Это нередкая история у писателей. Бывает, что довольно мрачные и по-человечески малосимпатичные авторы пишут такие светлые и прекрасные вещи, что просто не веришь. Может быть, он весь такой корявый внешне, а всё лучшее ушло в его литературный текст. Вот, кажется, такой и был Дефо. «Робинзона Крузо» я перечитываю до сих пор, особенно ту часть, где он на острове. Я не очень люблю начальную часть и даже конечную, когда понятно, куда лежит курс. Мне нравится, когда он начинает бороться со стихией. Меня это вдохновляет.

*С Евгением Водолазкиным беседовал
Сергей Маляров.*

БЕЗМОЛВНАЯ ПОЭТИКА МУЗЫКИ

Архиепископ Амвросий

«Музыка - в лучшем смысле этого слова - меньше нуждается в новизне; напротив, чем она старей, тем правильной, тем сильней она воздействует»

И.Гете.

Звуки, расположенные в гармонии и ритме, способны открывать нам сокровища души. Музыкальные мотивы – это сокровищница смыслов, идеи, высказанные звуком, оформленные по правилам математики и эстетики. Вот так сложно могу сказать о том, что такое музыка, и почему она пробуждает в нас самих особые переживания. Причем переживания чаще всего религиозные или романтические. Чуть реже – воинственные.

Музыка, благодаря этой особенности раскрывать глубину чувств, имеет влияние – разрушительное или созидательное. Она дарит радость и мир, либо способна совершенно уничтожить всякое доброе расположение души. Музыка обладает колоссальной силой. Часто то, что нельзя выразить словами или действиями, можно передать гармонией, мелодией и ритмом.

Неслучайно эпиграфом к статье взята цитата из Гёте о силе старинной музыки. Не хочу тут показаться ревнителем старины или противником прогресса, но, на мой взгляд, все так и есть. Конечно, есть хорошая современная музыка, сильные авторы и исполнители. Но по глубине влияния новая музыка не может сравниться с той, что пережита и перепета миллионами людей страдающих, радующихся, молящихся, любящих и оплакивающих ушедших в мир иной.

Не так давно мне довелось служить в замечательном приходе – в храме во имя иконы Богородицы «Утоли моя печали» на Боткинской улице Петербурга, где настоятельствует наш преподаватель

протоиерей Георгий Йоффе. После богослужения был концерт - исполнение музыки средневековыми инструментами. Это реконструированные музыкальные инструменты – с жильными струнами, обтянутые кожей, сделанные вручную. И это была удивительная музыка. Музыка, которую переживали, играли, писали много столетий назад. Она оказывает непередаваемое влияние на душевное, внутреннее состояние человека.

Музыка способна объединять. Думаю, неслучайно перед объединением Русской Православной Церкви и ее зарубежной части было мировое турне Сретенского хора, во время которого представители зарубежной Церкви прикоснулись к сохраненной в России церковной и народной традиции. Слова не могли донести этой мысли о нашей идентичности друг другу, слова можно слишком неоднозначно трактовать. Слова не точны, они не способны вызывать одних и тех же чувств у разных людей. Но музыка – может. Музыка тогда помогла делу объединения Церквей. Просто мы поняли, что несмотря на все то, что пытается нас разделить, мы любим Бога и верим в Него так же.

Ведь удивительно то, что основное средство общения человека и Бога – музыка. Если посмотреть на христианское богослужение (да, впрочем, и на богослужение любой религии), то сразу видно, что оно почти целиком состоит из музыки. Даже если это чтение богослужебных текстов – то оно музыкально,

распевно. Если это действия, то они сопровождаются звуками. Да, конечно, в Православной русской традиции за богослужением не используются музыкальные инструменты. Но музыкой наполнено все, каждый возглас. Да и что касается музыкальных инструментов – так кажется только при самом поверхностном приближении. Но вдумываясь и вслушиваясь, мы заметим серебристый звон кадила, отражающийся эхом от стен храма. Перезвон колоколов, радостный, печальный, гулкий. Рассыпающийся росой звук позвонцов на одеждах священнослужителей.

Этот мир сотворен словом, а значит звуком. Меня вдохновляет аллюзия на сотворение мира, которую написал Клайв Льюис в «Хрониках Нарнии»: Аслан (Бог) творит мир не просто словом, но песней - словами, облеченными в мелодию. На мой взгляд, это прекрасное прозрение Льюиса. Музыка близка творению мира, поскольку она математична. Математика – тот язык, которым написан физический мир, язык универсального описания видимого творения. Музыка очень похожа на математику, особенно в своем предельном смысле: при всех ограничениях правил музыки ею можно выразить все, а особенно то, чего нельзя выразить ничем иным – чувства, например – любовь. Ведь можно тысячу раз написать словами: я тебя люблю, а можно – выразить любовь

пением одинокого пастушьего рожка на рассвете. И мне кажется, рожок расскажет о любви больше. Потому что слова, записанные и сказанные в этой комбинации, за тысячелетия потеряли свою силу. А мелодия – нет. Потому что характер ее зависит от каждого играющего и каждого слушающего, поэтому всякий раз неповторим.

Я воспитывал себя на музыке церковных хоров. Все началось с пения бабушек на клиросах в храмах моего детства.

Ведь это совершенно удивительный пласт культуры! Сейчас этого сохранилось не так много, но все же есть. Это по-настоящему живая музыка. Это импровизация, характер которой зависит от множества факторов: начиная с состава коллектива на службе, характера самой службы, и заканчивая настроением и переживанием каждой конкретной певицы. У нее внук поступил учиться или удались пироги на выходных – и вот в мелодии совершенно новые ноты, радостные переливы, сильные акценты. Она грустит, переживает или страдает – и это отражается в песнопении, которое она поет Богу. Это удивительно живая музыка.

Я с детства влюбился в музыку Церкви. Будучи подростком, скупал в местном магазине все пластинки с записями исполняющих духовную музыку хоров, слушал их бесконечно, пока не стирались треки. Ведь у виниловой пластинки есть физическое ограничение, ее нельзя слушать бесконечно, в отличие от цифровой музыки, она через 40-50 прослушиваний стирается. Кстати, такой лимит задает ценность мелодиям, записанным на виниле. Четко знаешь, что тебе осталось послушать десять раз, и пытаешься вникнуть в каждую ноту, каждое слово.

Когда наступил год 1000-летия Крещения Руси - открыл для себя записи церковных хоров, которые стали во многом проводниками в моё певческое и регентское будущее.

Не понимаю людей, которые могут слушать музыку фоном, параллельно делая что-то еще. Тем более не понимаю, как можно слушать серьезную музыку и одновременно читать серьезную книгу. Для меня это как смотреть хороший фильм и параллельно читать. Ну, или, если доводить до абсурда мысль – то это как будто одновременно смотреть два серьезных фильма, на двух экранах параллельно. То есть теоретически это возможно, конечно, но, полагаю, не слишком успеешь вдумать и понять смыслы, заложенные в произведение.

Когда я был студентом Московской духовной академии, мне было поручено создать еще один академический хор. Им я управлял пять лет, а затем посвятил еще столько же времени хору Московского Сретенского монастыря. Я собрал его новый состав и был его руководителем. Нередко и сейчас подхожу к регентскому пульта. Поэтому мне часто приходится отвечать на вопросы,

связанные с церковной музыкой. Например, не раз звучал вопрос о том, как я отношусь к музыкальным инструментам за богослужением. Помимо того, что использование инструментов не в нашей богослужебной традиции, я не вижу в этом ничего плохого. В богослужениях Поместных Православных Церквей используются инструменты, и это очень красиво. Например, в Элладской Православной Церкви за Литургией используется оркестр. А еще в интернете есть видео Божественной литургии, которую служит Константинопольский Патриарх Варфоломей, в Madison square garden. Там как раз сочетание византийских песнопений, органной и симфонической музыки. На мой взгляд, звучит органично и величественно. Найдите эту службу в интернете и убедитесь самостоятельно в красоте подобного подхода.

Завершая размышления, хотелось бы сказать о том, как научиться понимать музыку, а особенно музыку древнюю или сложную современную. В этом деле все так же, как со сложными произведениями искусства из других сфер. Для того, чтобы понимать книги, нужно много читать и писать самому. Для того, чтобы разбираться в изобразительном

искусстве, нужно изучать творчество знаменитых мастеров и, желательно, хотя бы немного писать картины или фотографировать самостоятельно. То же самое с музыкой. Чтобы понять ее, нужно учиться играть на инструменте, изучить хотя бы азы сольфеджио. И желательно – петь, причем лучше – в хоре. Потому что хоровое исполнение прекрасно воспитывает чувство музыкальной гармонии, учит понимать других людей, да и вообще - приучает к прекрасному.

HARMONIA MUNDI: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Протоиерей Кирилл Копейкин

Не исключено, что «музыка микрокосма» сможет подсказать нам, с одной стороны, направление поиска тех математических форм, в которые должно быть облечено познание реалий микромира, с другой стороны, сможет содействовать более глубокому проникновению в сферу психического – ведь число, с одной стороны, характеризует закономерности внешнего космического строя, с другой – оно описывает структуру пространства человеческой души, структуру, находящую свое отражение в строе музыкальном.

Современная наука смотрит на мир как на космос – некоторую упорядоченную структуру, существующую независимо от человека и подчиняющуюся строгим – «объективным» – закономерностям. Собственно, само греческое слово *κοσμος* означает порядок. Впервые по отношению к окружающей нас Вселенной его употребил Пифагор.

Именно с именем Пифагора традиционно связывается начало математики как науки. Почему? Искусство вычислений – знание рецептурное – существовало задолго до Пифагора, а так называемые «пифагоровы треугольники» были известны и в Древнем Египте, и в Месопотамии. Дело в том, что, по существу, именно Пифагор ввел в математику доказательство.

Сила же доказательства состоит в том, что, единожды доказав теорему, мы доказываем ее для бесконечной совокупности математических объектов, удовлетворяющих ее условиям. Таким образом,

именно в математике человеческий ум впервые по-настоящему встречается с бесконечностью и, в каком-то смысле, обретает способность встать на «точку зрения Бога».

Примечательно, что пифагорейская традиция связывает имя Пифагора с тремя величайшими культурами древности: египетской, вавилонской и ветхозаветной иудейской. По преданию, Пифагор,

достигнув совершеннолетия, отправился в Египет, где был посвящен в храмовые мистерии древности. Затем он был пленен персидским царем Камбизом, завоевавшим Египет, и увезен в Вавилон, незадолго до того взятый персами, где как раз в это время находились переселенные туда (во время так называемого Вавилонского пленения) иудеи.

Неважно, насколько эти рассказы

соответствуют историческим реалиям (большинство исследователей в этом сомневаются) – важно, что предание сохранило представление о сакральном характере математического знания. Сакральность математики обусловлена тем, что она сумела обнаружить «идеальные» объекты, обладающие свойствами универсальности и общезначимости. Действительно, математика – одна на всех, независимо от этнической или конфессиональной принадлежности.

Более того, идеальные математические объекты, существующие «в человеческом сознании», удивительным образом соответствуют окружающей реальности – отсюда проистекает та непостижимая эффективность математики в естественных науках, которая впоследствии так поражала многих исследователей.

Примечательно, что для пифагорейцев, заложивших фундамент математического знания, число было не только и не столько мерой количества, сколько

онтологической категорией. Подлинная первооснова мира с точки зрения пифагорейцев и унаследовавшей их подход античной философской мысли – идеи, сегодня относимые нами к сфере психического.

По преданию, именно Пифагор первым обнаружил, что интонационно стабильные интервалы, которые в современной теории музыки принято называть чистыми, получаются лишь в том случае, когда длины струн, издающих эти звуки, соотносятся как целые числа первой четверицы, т.е. как 1:2, 2:3, 3:4; эти интервалы позднее получили латинские названия октава, квинта и кварта. На основе представлений о том, что источник гармонии лежит в мире натуральных чисел, пифагорейцами был создан так называемый «пифагоров строй», использовавшийся на протяжении более чем двадцати столетий.

С точки зрения пифагорейцев весь этот движущийся, текучий мир представлялся огромным, непрерывно звучащим музыкальным инструментом. Они верили в то,

что законы мироздания едины на всех уровнях, а потому любое движение – как движение струны, так и движение небесного тела – создает звучание.

Космос устраивается подобно тому, как изготавливается музыкальный инструмент, пропорциональное натяжение струн которого обуславливает гармонию звука – а потому, описывая устройство космоса демиургом, Платон в Тимее говорит о его числовом строении по принципу музыкальной гармонии.

Пифагорейский идеал античности – гармонический мусический человек, настроенный «в резонанс» со всем космосом. со всем космосом. Занятия музыкой – как, впрочем, и занятия математикой – способствуют достижению согласования человеческой души со всем мирозданием. «Познай самого себя – *γινώθι σαυτον* – и ты познаешь Вселенную» – этот тезис стал апофеозом пифагорейской концепции гармонии.

Пифагорейская идея космической числовой гармонии внешнего и внутреннего миров служила источником многочисленных (и чрезвычайно плодотворных) спекуляций в течение почти двадцати столетий, способствуя возникновению новых научных теорий.

Условным рубежом перехода от магико-символического к современному количественно-математическому описанию природы может считаться полемика между первооткрывателем законов движения планет Солнечной системы Иоганном Кеплером и видным представителем герметической традиции Робертом Фладдом, философские взгляды которого сложились под влиянием ренессансной магии и каббалы.

При помощи системы символических аналогий между внутренним и внешним мирами Фладд пытался постичь сокровенный смысл Природы. Кеплер же, напротив, достоинством объективной науки считал лишь обнаружение количественно исчисляемых математически выраженных структур мироздания, всё остальное относя к сфере субъективного.

Хотя современное количественно-математическое объективное описание природы в исторической перспективе появилось относительно поздно, следует подчеркнуть, что к нему вела вся история европейской мысли. Дело в том, что современная наука возникла в контексте представления о двух книгах Творца – Библии и Природе, созданных одним и тем же Автором, а потому друг друга взаимодополняющих. Естественно-научное «прочтение» Книги Природы оказалось функционально похоже на герменевтическое исследование библейского текста.

В семиотике, исследующей знаковые системы, знаки могут быть осмыслены либо в своих взаимоотношениях с другими знаками, т. е. синтаксически, либо в своем отношении к обозначаемому предмету, т. е. семантически, либо в отношении к создателю или адресату сообщения, т. е. прагматически. С известной долей условности можно сказать, что раннехристианское богословие было занято, прежде всего, прагматикой Книги Мира. Было осознано, что мир представляет собою послание Творца, обращенное к человеку. Средневековое богословие исследовало символизм мироздания, изучало семантику Книги Мира.

Новоевропейская наука от исследования прагматики и семантики миро-

здания перешла к изучению синтагматики Книги Природы, ее структуры: суть объективного метода познания состоит в том, что изучается математическая форма отношения различных «элементов» мира.

Примечательно, что в XX столетии пифагорейская *Harmonia mundi*, уйдя из макрокосма, неожиданно вновь зазвучала в микрокосме. «Имя и дела Кеплера столь же живы сегодня в микрокосмосе, как и в макрокосмосе», – сказал выдающийся немецкий физик-теоретик Арнольд Зоммерфельд в 1925 году в докладе, прочитанном в Киле по программе недели искусства и науки; Зоммерфельд особо отметил тот «удивительный поворот к арифметическому, целочисленному, который совершила современная физика. Этот поворот был намечен квантовой теорией Макса Планка и охватил проблему строения атома после работ Нильса Бора. <...> Рука об руку с этим поворотом к арифметическому возникло известное влечение современной физики к пифагорейской мистике чисел. <...> Управляемые целыми квантовыми числами спектральные серии фактически по смыслу являются обобщениями древнего трезвучия лиры, из которого пифагорейцы еще 2500 лет назад выводили гармонию явлений в природе, а наши кванты действительно напоминают о той роли, которую, по-видимому, играли целые числа у пифагорейцев, причем не в качестве некоего атрибута, а как сама суть физических явлений».

По утверждению одного из крупнейших физиков XX столетия лауреата Нобелевской премии Вернера Гейзенберга, «физика [элементарных] частиц [представляющих собою простейшие элементы мироздания] информирует нас, строго говоря,

о фундаментальных структурах природы, а не о фундаментальных частицах».

Обнаруженные физикой XX века «пифагорейские» структуры являются, вероятно, структурами уже онтологическими. В пользу этого свидетельствует фундаментальное утверждение об отсутствии в квантовой механике, описывающей наиболее глубокий из достигнутых к настоящему моменту уровней реальности, более «глубоких» структур, так называемых «скрытых параметров».

Достижение структурного предела свидетельствует в пользу того, что сегодня, похоже, приближается время синтеза, и мы подходим к следующему витку спирали познания, когда синтаксический, семантический и прагматический способы прочтения Книги Природы смогут объединиться в каком-то принципиально новом единстве.

Как это возможно? Как мне представляется, художественная интерпретация обнаруживаемых наукой фундаментальных закономерностей мироздания может позволить им «заговорить» на языке искусства. Если это удастся, то научная теория, сформулированная на формальном языке математики и до сих пор бывшая «орудием воздействия» на внешний мир, будучи проинтерпретированной в художественных категориях, сможет стать тем, чем мир — а значит, в определенном смысле, сам Творец мироздания — отвечает нам, воздействуя на наш внутренний мир.

Одним из возможных способов художественной интерпретации естественнонаучных теорий может стать интерпретация музыкальная. Музыка многозначна, но за множественностью ее смыслов лежит

неизменный каркас музыкального синтаксиса, описываемый математическими структурами. Именно благодаря многозначности и подвижности своих смыслов музыка является чрезвычайно тонким способом моделирования мира.

Примечательно, что реальность, открывающаяся нам в сфере микромира, больше похожа на реальность психическую, нежели на школьные представления о «материальности» бытия. В работе «Метафизика современной физики», немецкий философ Алоиз Венцель писал, что устроенный таким образом «материальный мир <...> не может называться мертвым. Этот мир – если уж говорить о его сущности – скорее есть мир элементарных духов [может быть, лучше сказать, элементарных логосов]; отношения между ними определяются некоторыми правилами, взятыми из царства духов [α λογος это не только слово, но и отношение и правило].

Эти правила могут быть сформулированы математически. Или, другими словами, материальный мир есть мир низших духов, взаимоотношения между которыми могут быть выражены в математической форме. Мы не знаем, каково значение этой формы, но знаем форму. Только сама форма, или Бог, может знать, что она сама в себе значит».

Уподобить материальные частицы духам, пусть и низшим, – для физика смелость необычайная. Но интересно, что уже в 1919 году Чарльз Галтон Дарвин (внук Чарльза Роберта Дарвина), одним из первых начавший поиски логически последовательных основ квантовой механики, в своей (оставшейся неопубликованной и ныне хранящейся в Библиотеке Американского философского общества) статье «Критика основ физики» писал: «Я давно уже считал, что фундаментальные основы физики находятся в ужасном состоянии. <...> Может случиться,

что потребуется фундаментально изменить наши представления о времени и пространстве, <...> либо даже в качестве последней возможности приписать электрону свободу воли». Таким образом, сами физики под влиянием неумолимых фактов стали склоняться к выводу, что «материя» демонстрирует свойства, традиционно относившиеся к категории «психических».

Современный австралийский философ Дэвид Чалмерс, известный своими работами, посвященными проблеме сознания, утверждает следующее: «Физическая теория характеризует свои базовые сущности лишь относительно, в терминах их каузальных и иных отношений к другим сущностям. <...> Получающаяся в итоге картина физического мира – это картина громадного каузального потока, но она ничего не говорит о том, что соотносится этой причинностью. <...> Интуитивно кажется более разумным предположить, что базовые сущности, соотносимые всей этой каузальностью, имеют какую-то свою внутреннюю природу, какие-то внутренние свойства, так что мир не лишен субстанции. <...> Имеется лишь один класс внутренних, нереляционных свойств, с которым мы непосредственно знакомы, и это класс феноменальных свойств [так Чалмерс называет непосредственно переживаемые психические свойства]. Естественно предположить, что неопределенные внутренние свойства физических сущностей и известные нам внутренние свойства опыта могут быть как-то соотношены или даже перекрываться». Несмотря на шокирующую неожиданность такого предположения, Чалмерс утверждает, что «эта идея на первый взгляд кажется дикой, но лишь на первый взгляд. В конце концов, у нас нет никакого представления о внутренних свойствах физического. Их место вакантно, и феноменальные свойства выглядят не менее достойным кандидатом на их роль, чем какие-то другие. Здесь, конечно, возникает опасность панпсихизма. Я не уверен, что эта перспектива так уж плоха, – добавляет Чалмерс, – если феноменальные свойства фундаментальны, то естественно предположить, что они могли бы иметь широкое распространение».

Именно музыка способна выразить сокровенные внутренние движения феноменальных свойств человека, динамику

психического. Как утверждал один из крупнейших музыкальных теоретиков XX столетия Эрнст Курт, музыка есть воплощение в звуке глубинной энергии души. «Музыка есть борьба сил, становление внутри нас, – писал Курт в работе «Основы линейного контрапункта». – <...> Я определяю это состояние напряжения, господствующее во всем процессе мелодического напряжения и насыщающее его отдельные тоны как “кинетическую (двигательную) энергию”, заимствуя это выражение из физики».

Быть может, благодаря открытиям физики XXI столетия впереди нас ожидает воскрешение – разумеется, уже на новом уровне, – древних представлений о гармонии макро- и микро-косма.

По преданию, тритон или полуоктава своей неблагозвучностью «подсказал» Архиту из Тарента, выдающемуся представителю пифагорейской школы, другу Платона, «музыкальное доказательство» иррациональности $\sqrt{2}$. Не исключено, что «музыка микрокосма» сможет подсказать нам, с одной стороны, направление поиска тех математических форм, в которые должно быть облечено познание реалий микромира, с другой стороны, сможет содействовать более глубокому проникновению в сферу психического – ведь число, с одной стороны, характеризует закономерности внешнего космического строя, с другой – оно описывает структуру пространства человеческой души, структуру, находящую свое отражение в строе музыкальном.

В своей последней работе «О сущности музыки» выдающийся отечественный музыковед Юрий Николаевич Холопов писал: «Ощущая нашим слуховым сознанием каждое движение музыкальной мысли, мы овладеваем музыкой самой и становимся причастными продолжающемуся процессу великого Творения, начавшемуся еще гласом «Et fiat lux!» – да будет Свет! – и идущему теперь в высших сферах духовного бытия».

ПАМЯТИ ВЕЛИКОГО «ФАЛАНГИСТА»

Протоиерей Евгений Горячев

21 декабря 2017 года умер архимандрит Ианнуарий (Ивлиев). Его жизнь внезапно оборвалась. Смеею предположить, что вместе с его уходом в отечественной культуре заметно уменьшилось число людей, сочетающих в себе многогранную ученость и глубокую человеческую порядочность.

Для современной Русской Православной Церкви его уход трагичен по тем же причинам. И если сравнение персональной духовной преемственности с боевой македонской фалангой уместно хотя бы отчасти, то теперь, когда первый ряд этого воображаемого подразделения потерял столь выдающегося «пехотинца», всем нам, его церковным соратникам, продвинувшимся вперед ровно на одного человека, остается лишь с грустью констатировать — незаменимые бывают!

Ученость. Отец Ианнуарий был чрезвычайно сведущ в своем предмете, да и не только в нем. В этом смысле он был действительно великий и многоопытный христианский «фалангист». Мы, его студенты (ставшие позже преподавателями), хорошо это знали и не смели меряться с ним силами, несмотря на все его поощрения. Самые трезвые и критичные из нас не смеют и теперь.

Он занимался Ап. Павлом, и это наложило на него зримый духовный отпечаток. Для нас, сидящих в аудитории, он сделался «избранным сосудом Божиим» (ср. Деян. 9: 15), впитавшим в себя эллинскую, иудейскую и общечеловеческую мудрость ради того, чтобы все достижения этих традиций служили бы высшей премудрости — евангельскому Откровению. Например, он мог с одинаковым воодушевлением рассказывать нам об особенностях апостольского взгляда на статус обращенных рабов в Коринфе и, наоборот, господ в Риме,

а также о том, как были искажены эти существенные сведения грубыми ошибками Синодального перевода (1 Кор. 7: 21; Рим. 13: 1-2), но мы точно знали, что речь идет не только о далеком христианском прошлом, что сказанное лектором напрямую относится к происходящему здесь и сейчас, поскольку это относится к вечной новозаветной Истине.

Порядочность. Сегодня она дорогого стоит. В применении к архимандриту Ианнуарию это качество включало в себя множество ярких индивидуальных оттенков. Его коллега переводчица С. М. Панич очень точно назвала его человеком «редкой щедрости, прямоты и свободы».

Распахнутый настезь ко всем, кто хотел получить от него какую-нибудь особую библейскую информацию, он щедро и без усталости делился ею везде, где только мог: в стенах духовных школ, в аудиториях светских вузов, на международных конференциях, на радио и телевидении и, конечно, в личном общении. При этом, открывая на своих лекциях студентам Санкт-Петербургской Духовной Академии гораздо больше, чем они могли вместить, отец Ианнуарий был

невероятно милостивым экзаменатором. Безусловно умнейший и снисходительный — он был живой христианской антитезой той, весьма распространенной в России, популяции педагогов, которая компенсирует умственную ограниченность и тотальную невыразительность собственной преподавательской деятельности садистской придирчивостью и неуступчивостью на экзаменах.

Поведенческая прямота отца Ианнуария тоже общеизвестна. Считая что-либо истинным или хотя бы достоверным, он никогда ни в какой ситуации не говорил противоположного. Образно выражаясь, паруса его умственного флота ловили не ядовитые испарения изменчивых «партийных курсов», но лишь попутные ветры научной добросовестности и личной убежденности. Временами он, правда, мог не общаться с кем-нибудь вовсе, полагая молчание лучшим способом выражения своей принципиальной позиции. Но я не припомню ни одного случая, когда в его лекции, проповеди, актовой речи, публичной дискуссии или застольном тосте начинала бы вдруг звучать подобострастность к какому-нибудь не терпящему возражений начальнику

или господствующему мнению.

К сожалению, многим это не нравилось (системным карьеристам, узким традиционалистами, просто глупцам): всем тем, кого Дж. С. Миль однажды назвал «обществом сплоченной посредственности». Конечно, это грустно, конечно же, это противоречит фундаментальным принципам новозаветных человеческих отношений, но приходится признать, что на всем протяжении своей научно-педагогической деятельности отец Ианнуарий был окружен не только убежденными последователями и трепетными почитателями, но и теми, кто мечтал о его крахе, желал «вольнодумцу» лишь одного – безмолвия. К счастью, «забить высунувшийся гвоздь» его умственных дарований ради унификации привычного и официального было им не под силу: чтобы штурмовать крепость, нужна осадная башня определенной высоты, воздвигнуть которую у предвзятых критиков выдающегося библеиста никогда не получалось.

Он был неприступен, недостижим для любой идеологической агрессии благодаря своим знаниям. Более того, чрезвычайно ценил отсутствие ограничений для своего интеллектуального творчества, он именно поэтому принципиально заботился о том, чтобы его вдумчивые оппоненты обладали таким же правом. Например, в разумной и уважительной полемике он совершенно не стремился к тому, чтобы быть душителем инакомыслия.

Обширное знание, как я уже сказал, делало отца Ианнуария максимально свободным, в том числе и от избыточного материального благополучия. Не будучи искателем должностных привилегий, он не нажил ничего, кроме самого необходимого. В свои без малого семьдесят пять лет все еще зарабатывал многочисленными, часто весьма скромно оплачиваемыми, лекциями.

И последнее. Однажды, лет пять назад, на встрече выпускников нашего семинарского курса (1990—1994) мы завели спор о причинах непрекращающейся популярности отца Ианнуария как лектора. Спорили мы долго и горячо, но в итоге сошлись на том, что дело не в широте и основательности его предметной научной базы, не в солидном вспомогательном светском образовании, и даже не в иностранных языках, включая латынь и древнегреческий, которыми он хорошо владел. Все

эти показатели присутствуют сегодня у гораздо большего числа православных российских библеистов, нежели это было в 80-е и 90-е годы ушедшего столетия. В плане теоретической квалификации — специалистов по библейским наукам становится в наши дни все больше, но архимандрит Ианнуарий был неповторим, если можно так выразиться, не за счет общего и доступного для всех «библейского солнца», а за счет многочисленных «культурных планет», которые он с такой виртуозностью вращал вокруг этого светила по только ему известным траекториям. Рублев и Рембрандт, Гомер и Гёте, Флоренский и Соловьев, Шпенглер и Ницше, Бах и Верди — все это и многое другое авторское, философское, художественное и музыкальное наследие человечества двигалось его волей и разумом вокруг «евангельского ядра» с необыкновенной завораживающей красотой.

Теперь это уникальное творчество

прекратилось. К сожалению, он не оставил нашей Церкви учеников под стать себе. Но кое-что все же осталось. Конспекты и книги. Научные рецензии и личная переписка. Видео и аудио записи. А еще память. В ней навсегда поселился скромный академический профессор, сумевший сделать процесс изучения Священного Писания таким захватывающе прекрасным, таким безгранично глубоким и разноплановым. Осталась память о его неизменной доброжелательности, ибо отец Ианнуарий никогда не выглядел высокомерным или хотя бы насмешливым по отношению к любым своим слушателям. И это при всем своем юморе!

Он не раздражался вслух, не повышал на семинаристов голос, не стыдил и не отчитывал лентяев и недотеп. Он лишь показывал нам путь. И те, кто хотел идти, тот знал куда и зачем. А кто не хотел, тот все равно был очарован и благодарен ему за сам факт встречи с таким масштабным человеческим

явлением! Возможно, поэтому на его отпевании собрались и горевали столь многие и столь разные люди.

Теперь его нет. И это необратимо. А еще невосполнимо — для Санкт-Петербургской Духовной Академии, для православной Церкви, для многих из нас лично...

*Неожиданно, непредвиденно —
как всегда я к такому не вызрел!
Отлетела душа стремительно,
словно меткий случайный выстрел.*

*И теперь, как всегда, отверстие
от смертельной на сердце раны.
Видно Бог ниспослал приветствие,
а по мне так, прощаться рано...*

КУЛЬТУРА ПОМОГАЕТ СТАТЬ НАСТОЯЩИМ ЧЕЛОВЕКОМ

Архимандрит Симеон (Томачинский)

Поделитесь, пожалуйста, Вашими чувствами от ежегодных встреч с молодежью, которая поступает к Вам в учебное заведение. Приносят ли эти встречи какие-то радостные впечатления или наоборот, сожаления о сменяющихся и уходящих поколениях?

Я бы не стал делать каких-то глобальных выводов, но все же ясно, что сейчас молодым людям стало сложнее запоминать информацию и анализировать ее. Ведь Гугл на все ответит. Не нужно ничего держать в голове, информация доступна и всегда под рукой. В этом смысле можно увидеть в молодежи некоторую поверхностность. Но в то же время – это обычная история отцов и детей. Отцы говорят: «В наше время такого не было». Дело, конечно, не в этом.

Молодой человек уже так настроен, что как только встречает что-то сложное или скучное, он пытается залезть в свой аккаунт в социальных сетях и там общаться. Ведь это просто интереснее. В то же время у молодого поколения много преимуществ. Это и большая свобода, более сильное стремление к открытости и творчеству. Просто нам надо привыкнуть к этим новым реалиям.

Со своей стороны, мы не так давно поставили в аудиториях

самое современное мультимедийное оборудование. Таким образом, наши сегодняшние занятия просто должны быть интересными, зажигательными, вдохновлять студентов, чтобы они сами по себе желали выйти из этого болота потребления, которое есть в интернете.

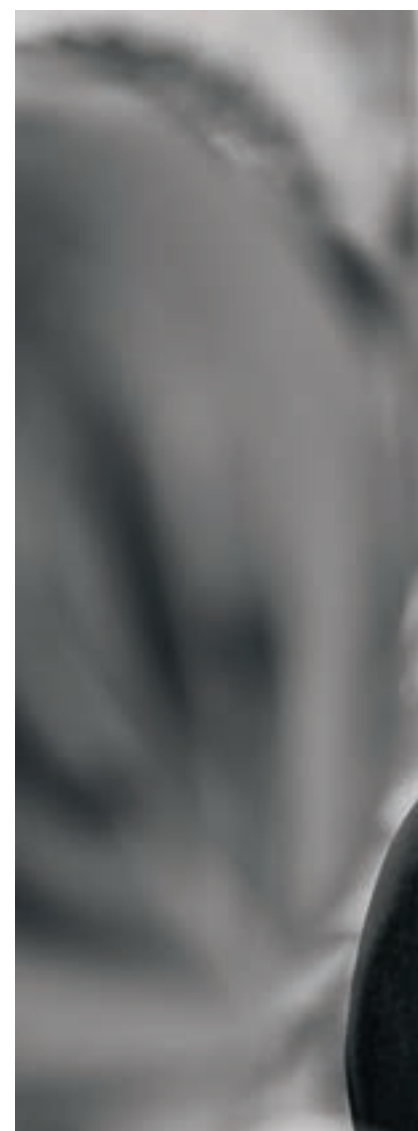
Приобщение к святоотеческому опыту – это ведь не только личный пример, не только погружение в определенный учебно-богослужебный ритм семинарии, но и чтение книг. Насколько, на ваш взгляд, это может быть препятствием, если молодежи, по Вашим словам, бывает очень сложно сосредоточиться и проводить аналитическую работу?

Конечно, по сравнению со старшими поколениями у молодежи действительно очень сильно поврежден навык работы с книгами. Много зависит от семьи и от школы, ведь чтобы читать святоотеческую литературу, человеку необходимо любить читать. А если он редко держал книгу в руках, то он просто заснет на второй странице, или отложит ее и вернется к своему гаджету.

Навык чтения – это ведь навык общения с каким-то необыкновенным человеком, с автором книги. Ты, может быть, в жизни не встретишь такого собеседника, как Василий Великий, Иоанн Златоуст или блаженный Августин. А вот здесь, в книге, у тебя есть возможность с ними пообщаться. Да, это не так легко, потому что нас разделяют столетия и духовный уровень. Но необходимо как-то привить эту любовь к чтению.

Не знаю, правда, под силу ли она семинарии, ведь если этим не занималась ни школа, ни семья, то это практически невыполнимая задача. Можно посадить человека с книгой и стоять у него над душой, но, кроме отвращения, это ничего у него не вызовет, и он будет пользоваться любыми способами, лишь бы увильнуть от этого кошмара.

Молодому человеку должно понравиться читать святоотеческую литературу, от этого, если так можно выразиться, должен выделяться эндорфин. А вот как это сделать – вопрос сложный, ведь понятно, что такое чтение во многом противоположно по своему содержанию современной мультимедийной культуре, где доминирует клиповое сознание, где в ходу постоянное переключение между разными видами работы. Мне кажется, что здесь может помочь чтение классических образцов художественной литературы, которые доступнее для понимания. А это уже станет ступенью, чтобы перейти к серьезной святоотеческой литературе.

Насколько, на Ваш взгляд, классическая светская культура в целом способствует становлению духовного мира человека, который надеется, что уже услышал божественный призыв и вступил на путь подготовки к служению?

Культура, как мы знаем, этимологически происходит от латинского *cultura* – возделывать землю, то есть работать над землей своего сердца, своей души, чтобы на ней произрастали благие плоды. Культура помогает человеку стать настоящим, ведь человек это не просто данность. Человеком еще надо стать. У Булата Окуджавы есть строки: «Совесь, Благородство и Достоинство – вот оно, святое наше воинство. Может, и не станешь победителем, но зато

умрешь как человек». По сути, это о том, что мы боремся со своими страстями, и хоть не всегда выходим победителями, но пока мы боремся, мы проявляем себя как люди, а не как рабы или бессловесные животные.

Чехов в рассказе «Дама с собачкой» рассказывает о том, как они сидели у храма, смотрели на прекрасное море, окружающий пейзаж и думали о том, как все прекрасно в этом мире, кроме того, что мы с вами чувствуем, говорим, делаем и забываем о своем высшем предназначении, подлинных целях бытия.

В моем понимании, культура помогает стать настоящим человеком. Об этом говорит замечательный трактат Василия Великого «Юношам» – о том, как извлекать пользу из языческих сочинений. Святитель поясняет, что мы должны быть как пчелы, которые собирают нектар отовсюду, а не как мухи, которые ищут нечистоты. Если такой

позитивный подход был уместен для языческой культуры, то тем более в христианскую эпоху были созданы по-настоящему великие произведения, которые обогащают наш христианский ум.

Приведете какие-то примеры?

Одна из таких важных тем – Промысл Божий. Большая часть мировой литературы это, в действительности история взаимоотношений Бога и человека. Бог участвует в нашей жизни, и самые лучшие произведения повествуют нам об этом. Часто ведь возникают вопросы: «Почему есть страдания?», «Почему умирают невинные дети, порой и младенцы?». Художественная литература иногда даёт очень интересные ответы.

Например, есть такой роман «Мост короля Людовика святого» американского писателя Торнтон Уайлдера. Он как раз и повествует о том, как

несколько человек переходят по мосту, который всем казался вечным и неизменным как само мироздание, но в этот самый момент по каким-то причинам он обрушился и пять путников погибли. Что было такого в их жизни, что Господь их призвал? Книга даёт очень красивый и точный ответ, называя это Промыслом. Порой, если своевременно и правильно использовать художественную литературу, то можно помочь человеку воспарить горе, увидеть всю красоту Божьего замысла.

Например, писатель Варнава Беляев прекрасно выбирал художественную литературу и использовал примеры из неё для рассказов о различных человеческих страстях. И он говорил, что литература – это энциклопедия людских пороков, зеркало человеческих заблуждений и сокровищница человеческой глупости. То есть можно даже видеть какие-то отрицательные примеры и отталкиваться от них в проповеди добра.

Я и своим студентам всегда говорю: «Благодаря литературе вы можете прожить жизнь, видеть опыт человеческой жизни совершенно других эпох, других культур. Даже свою жизнь увидеть изнутри». Личный опыт очень ограничен. Пока мы в жизни что-то поймём, уже пройдёт много времени. Особенно это важно в пастырском служении. Будь мы все святыми, всегда бы Духом Святым находили правильный ответ.

Но мы далеки от святости. И здесь можно помочь и литературой, и человеческой культурой в целом.

Каким образом можно применить знание художественной литературы в пастырской практике?

Митрополит Антоний (Храповицкий) написал замечательную книгу: «Пастырское изучение жизни людей по творениям Достоевского». Именно по роману Достоевского можно изучать людей и находить к ним подход, помогать им. Ведь люди ждут, чтобы их как-то поддержали и вдохновили, а здесь бывают большие ошибки. Неверное слово, неправильная интонация, и все – человек на смертном одре может закрыться от пастыря. А все потому, что мы настроились на свою волну, не прочувствовали, чем этот человек живет, а пришли со своими наставлениями, что надо быть очень правильным, даже безупречным. Но вот конкретному человеку мы не смогли помочь. Может быть, он перед смертью хотел креститься? Для него это тяжёлый выбор, потому что он всю жизнь прожил некрещёным, и он хочет какого-то разговора, хочет какого-то понимания, сочувствия. Готовые рецепты и какие-то правильные слова могут не сработать.

Просто человек поймёт, что мы выполняем какую-то обязанность. А ведь самое важное, что это человек – бесценное сокровище Бога.

Недавно я перечитывал «Войну и мир». И хоть мы говорим о Толстом как о неоднозначной фигуре, но и в его произведениях мы находим много христианских мотивов. Я с удивлением недавно обнаружил у Льва Николаевича фразу, которая постоянно звучит неким рефреном в письмах отца Иоанна Крестьянкина. Отец Иоанн в разных ситуациях и разным людям повторял: «Богу всё бывает вовремя для тех, кто умеет ждать». И я, конечно, был потрясен, когда нашел эту фразу в романе «Война и мир». Там ее говорит Кутузов, произнося по-французски. Вполне допускаю, что отец Иоанн позаимствовал ее именно из романа. Ведь он в своих письмах порой ссылался на какие-либо художественные произведения.

Все же чтение художественной литературы, разумеется, необходимо каждому человеку. Прежде всего, чтобы научиться более глубоко воспринимать окружающий мир и людей. Это не исключает необходимости читать и чисто духовную литературу, однако можно сказать, что в нашей личности есть разные регистры, и помимо духовной, есть область душевная. И к душевной сфере тоже нужно относиться со вниманием, иначе она может заполниться просто какими-то низкопробными вещами. Поэтому важно воспитывать в себе культуру чтения, суметь почувствовать, что чтение есть и особое возвышенное удовольствие, и прекрасный способ обогатить свой жизненный опыт.

Наш разговор затрагивает только классические произведения. Думаю, у читателя может сложиться впечатление, что сейчас существуют в лучшем случае интерпретации, что современная современная культура не создает чего-то стоящего. Так ли это?

Можно взять наиболее современный вид искусства – кино. Я стараюсь по возможности следить за интересными

новинками, и хочу сказать, что есть совершенно потрясающие произведения последних лет, которые очень ярко раскрывают христианские ценности. Есть вообще супер-христианские фильмы, как например, «Древо жизни» Терренса Малика, которое он снял несколько лет назад. Это кино как раз о том, что мы обсуждали чуть раньше, о Промысле Божиим, о вопросе, почему люди страдают, почему они умирают. Там очень глубоко представлена книга Иова. Хотя это и не простое кино.

Я вообще предпочитаю Джима Джармуша. Это американский режиссер, который не имеет отношения к Православию, но у него особенное внимание к человеку. Примером может послужить фильм «Патерсон». Или возьмем тех же братьев Коэн. У них есть хулиганские фильмы, но вот «Серьезный человек» тоже говорит о Промысле, о том зазоре в интерпретации череды событий как цепи случайностей или же действия Божия.

То же самое и с литературой. У нас есть замечательные авторы Евгений Водолазкин, Алексей Иванов и Захар Прилепин, и многие другие, кого можно назвать. Сейчас есть очень интересная православная проза. Нам иногда важно найти какую-то метафору жизни, метафору современности. Такая традиционная метафора из «Одиссеи» Гомера, как «дорога», говорит о пути, который возвращает нас домой. Это ведь сквозной сюжет мировой литературы, который является глубоко христианским, ведь мы собственно возвращаемся в свое Небесное Отечество.

В связи с этим вспоминаю одно произведение – «Дом тишины». Оно о турецкой семье, и там приводится немного другая метафора. Автор говорит, что однажды путешествие на повозке, которое зовется жизнью, подойдет к концу, и ты уже не сможешь ничего изменить. Но есть книга, которая описывает твою жизнь, и ты можешь вернуться назад и перечитать ее чтобы понять, что ты сделал не так, и глубже понять себя. Получается, что жизнь – это книга, в которой мы не можем изменить написанных страниц, но мы можем к ним вернуться, прочувствовать их, принести покаяние, что-то понять для себя. Ведь важно то, каким будет финал твоей жизни и к чему ты придешь в результате размышлений и поисков.

Беседовал Владислав Капитонов

ПУТЬ ХУДОЖНИКА. НЕМНОГО О ТОМ, КАК НАЧАТЬ ПИСАТЬ

Сергей Маляров

«Что до прозы - я не умею прозой.
Правда, скоро думаю учиться»

Вера Полозкова

Я уже несколько лет увлечен теорией создания текстов, и хочу поделиться небольшими приобретенными по этому поводу знаниями. Существует разброс мнений о писательстве. Кто-то считает, что все тут зависит от таланта и природных склонностей. Кто-то говорит, что работают не столько правила, сколько опыт и воспитанное постоянной тренировкой литературное чутье. Другие (особенно те, кто учат искусству написания сценариев) говорят, что весь творческий процесс можно свести до набора чек-листов, списков действий и пошаговых инструкций, выполняя которые можно добиться успехов в литературе.

Вопросами этими задавалось большинство людей, от которых остались хоть какие-то тексты. До нас дошли и профессиональные руководства для писателей: от Поэтики Аристотеля, до современных авторов вроде Труби (Анатомия истории), Сида Филда

(Киносценарий) или Роберта Макки (История на миллион). И начиная с первых теоретиков литературы появляются как те авторы, которые гениально пользуются описанными правилами, так и не менее гениально правилами пренебрегающие.

Творческий человек всегда претендует на необычность. Ведь действительно – творчество, искусство только тогда и работает, когда оно самобытно. Все остальное либо плагиат, либо пародия, более или менее хорошая. Наверное, поэтому писатели пытаются не говорить о технике письма, окружая свои произведения таинственной дымкой вдохновения, посещения музами и прочими вещами, отличающими их от простых смертных.

Мне бы хотелось получше узнать людей. Особенно тех, кто вокруг, кого я вижу, с кем общаюсь. Человечество немного приблизилось к этому, создав соцсети. И, вместе с ними, удалилось от этого же. Теперь я вижу, что мои знакомые едят на завтрак, кого держат за руку вечерами и какой одеждой вдохновляются. Самое же главное осталось недоступно. Мне нравится мысль Клайва Льюиса о том, зачем вообще нам писать свои мысли.

“Те из нас, кто всю свою жизнь был верным книгочеем, редко вполне осознают невероятную широту нашего бытия, которой мы обязаны прочитанным авторам. Мы понимаем это, общаясь с чуждым чтению собеседником. Он может быть прекрасным человеком, но его мир затхл и бледен. Мы не вынесли бы такой тесноты и духоты. Человек, привыкший довольствоваться только собой, а потому в меньшей степени претендующий на звание личности, живет в темнице. Мне недостаточно моих собственных глаз, и я стремлюсь смотреть в мир глазами многих. Мне недостаточно реальности, даже если смотреть на нее глазами большинства, я хочу видеть то, что открыли в мире другие. Даже глаз всего человечества будет мало. Мне очень жаль, что животные не способны писать книги. Я так хотел бы узнать, например, каков мир, если взглянуть на него глазами мыши или пчелы...”

Клайв Льюис

Я хочу знать, как думают люди, которые окружают меня, о чем они переживают. Хочу понимать, что приводит их в восторг и какого характера этот восторг. Мне важно уметь доносить, облекать в форму, адекватно выражать словами то, что чувствую я. Ведь общение живых разумных существ при помощи разумных средств коммуникации - разве не счастье?

Писать стоит еще и потому, что это - как и всякое творчество вообще - занятие духовное. Писать художественный текст, молиться, строить храм, петь музыку Богу - вещи одного порядка для меня. Как сильно об этом сказал Евгений Водолазкин в одном из своих интервью: “Книги - это мои записочки Богу”.

Грамотно и выразительно писать - значит говорить о своей непохожести на остальных. Об опыте, который есть только у пишущего, ведь опыт всегда дело частное. То есть, писательство есть вещь противоположная мейнстриму вообще и нынешнему его проявлению - инстаграму, если говорить о конкретике. Там ведь наоборот, нужно, чтобы было похоже, чтобы, по крайней мере, не хуже чем у остальных. Я хотел бы, повторяя за Льюисом, читать блоги или заметки людей, которых я знаю, встречаю на улице, с которыми дружу, чьи фотографии наполняют мои ленты в соцсетях, но чей

внутренний мир неведом для меня, будучи не выражен в словах.

Желаю этого другим по большей части потому, что в первую очередь желаю такой выразительности себе.

В один момент я с большой определенностью и прозрением понял, что хочу во что бы то ни стало научиться писать, причем научиться писать понятно, ясно. Я не знал, как это делается, какие книги нужно читать, с кем разговаривать и куда идти. Не могу сказать, что теперь знаю. Но я решил разобраться. Учился на первом курсе магистратуры, времени было достаточно, нашел книги, по большей части плохие, рассказывающие о письме. Сразу скажу: не читайте книгу Юрия Никитина “Как стать писателем”. Просто не читайте.

Одна из первых хороших по этому поводу книг, которая попала мне - “Как писать книги” Стивена Кинга. Ее рекомендую. Пробуждает хорошее любопытство, мотивирует и вдохновляет писать. А еще Кинг работает с возражениями, типа “у меня сейчас нет времени писать”. Не прямо, конечно: он не поучает. Но после того, как узнаешь, что первые свои книги Кинг написал, работая прачкой, с солевой таблеткой от обезвоживания во рту (в прачечной работать жарко) - понимаешь, что все твои “нет сейчас времени” не работают.

Помимо книг, рекомендации о которых я оставлю дальше, был

и совершенно крутой опыт - курс Creative Writing петербургских писателей и филологов Андрея Аствацатурова и Дмитрия Орехова. Я пошел на него осенью 2016 года, предварительно пройдя тот же курс в видеоверсии. Курс заточен на написание рассказов, но пригодится для любой писательской работы. Точнее, он делает главное - воспитывает читателя, потому что там объясняют, как работает жанровый текст.

Оказывается, этой дисциплине в обязательном порядке учат в Европе и Америке. У нас, к сожалению, в программе обучения его нет, но можно восполнить таким образом. На Западе подобные семинары обычно посещают как мечтающие о писательской карьере, так и те, кто просто хочет научиться внятно излагать свои мысли.

Курс Аствацатурова и Орехова построен на тех же принципах и тех же пособиях, что и популярные курсы писательского мастерства в европейских

и американских университетах. Говорят, что в России больше привыкли полагаться на категории «таланта» и «вдохновения», поэтому такой курс не имеет аналогов. Остается только радоваться тому, что живешь в Петербурге и имеешь возможность посещать такие вот мероприятия. Рекомендую.

Прослушав курс, я понял, что в литературе действуют такие же строгие законы, как в музыке и архитектуре. Творчество писателя — это не мистические озарения, а работа, в основе которой лежат конкретные навыки и приемы мастерства, которым можно и нужно учиться.

Могу провести аналогию с курсами по вождению. Вроде и так человек, живущий в городе, едущий на такси и в автобусах понимает, как устроено дорожное движение. Что-то слышишь от водителей, что-то опробовал в компьютерной игре. И кажется, что вполне себе можешь водить машину в городе.

А точнее - можешь, да, конечно можешь, хоть это и рискованно. То же и с книгами. Все их читают и, кажется, разбираются в писательстве. Но если без особой подготовки садишься писать рассказ, сказку - теряешься, как новичок за рулем автобуса. На площади Восстания. В вечерний час пик. Накануне выходных. В гололед.

Лучше обучиться, чем не обучиться, даже если ты вдруг талантлив.

Кстати, по поводу вождения. Мой первый водительский опыт как раз был до обучения на курсах по вождению. Это было лет пять назад, в Париже. Мы взяли в прокат маленький электромобиль и ездили по центру города. Долго. И, знаете, ничего плохого не случилось. Хоть это и был выходной, с легким трафиком. Но теперь, отучившись на водителя, я понимаю, что вполне себе могло случиться что-то неприятное.

На одном из занятий

литературной мастерской Аствацатурова и Орехова я услышал Евгения Водолазкина. Он пришел и рассказывал о специфике описаний места и времени действия: о “хронотопе”. Поразила его манера говорить. Взвешенные и глубокие фразы, в разговоре нет слов ради заполнения тишины. Все обдуманно и четко. По делу и при этом с такой художественной силой, что сразу понимаешь, что этот человек не похож на всех тех, которые встречаются обыкновенно в жизни. Ну, так и вышло. Благодаря этим курсам открыл для себя (а после - и для окружающих) его Лавра, потом - его самого, как человека, филолога, нашлись общие знакомые. Оказалось, Евгений Германович в конце 80-х был прихожанином академического храма. В общем, история вышла интересная.

После курсов художественного письма были курсы письма не художественного. Прошел обучение в дизайн-бюро Артема Горбунова по направлению

“редакторы”. Они - приверженцы школы Норы Галь, которая учила адекватному написанию текстов. Слово должно означать то, что оно должно означать: “нет слов плохих вообще, неприемлемых вообще: каждое слово хорошо на своем месте, впору и кстати”. Помимо этого, курсы “Главреда” Максима Ильяхова - отличный способ научиться “менеджменту” текста, продюсированию создания текстов.

После двух этих курсов в голове появилась система того, как наладить процесс писательства. Я человек такого типа, которому может помешать любая мелочь в процессе работы. В моем случае этой мелочью было непонимание самого процесса, организации творческого труда. Потому что меня этому не научили в детстве, в школе и в последующем образовании. Дальше расскажу о своем способе планирования, написания и вообще творческой работы. Может быть, кому-то это облегчит жизнь.

Во-первых, сразу советую завести блог, для того, чтобы приучить себя к качественной работе на читателя. Даже если читатель всего один и он - твоя младшая сестра, присутствие читателя обязывает к серьезности и регулярности. А тем более - если читающих 20 или больше.

Следующее. Где-то нужно организовать знания, которые приобретаешь, читая книги, смотря видеолекции или посещая семинары. Я пользуюсь Трелло. Также в Трелло можно собирать и все идеи - статей, рассказов, постов для блога.

Основные тексты пишу в Эверноут. У меня платная версия, это удобно, потому что писать можно во время поездки в метро, в очереди в банке или проснувшись посреди ночи. И да, не я это придумал, но лучшее время для работы с текстом - первые утренние часы.

Итого, получается всего три сервиса для запуска творческого процесса: блог (можно на любой бесплатной платформе, мне нравится Медиум), Трелло для систематизации

знаний и управления проектами и Эверноут для написания и хранения текстов. Есть еще всякие программы для писателей, в том числе профессиональные, но достаточно такого набора. Точнее - достаточно даже блокнота с карандашом или ворда на компьютере, просто для меня важно, чтобы все было подчинено логике и системе.

Главное же правило, которое я открыл для себя - для того, чтобы научиться писать, нужно писать. Много. Хорошо или плохо, серьезные вещи или просто поток сознания. Писать каждый день хотя бы несколько предложений, абзац, в идеальном случае - страничку. И при этом стараться не критиковать себя во время написания. Говорят, что писателем и редактором должны быть два разных человека. Если отдельного редактора нет, то нужно постараться забыть о написанном тексте и вернуться к редактуре через пару недель, когда на текст можно посмотреть со стороны, а не как на собственного ребенка.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УМЕЛ ВОЗВЫШАТЬ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Сергей Шмеман

Сергей Александрович, сегодня Вы участвовали в презентации книги отца Александра Шмемана «Основы русской культуры». Это публикация цикла бесед, которые он вел на «Радио Свобода» в 1970–1971 годах. Скажите, а как отец Александр выбирал темы для радиопередач, как он понимал, что будет интересно слушателям, ведь в то время он не мог получить какую-либо обратную связь от людей, живущих в СССР?

Мне кажется, главная логика отца Александра, которой он следовал при выборе темы – всегда говорить о том, что у самого вызывает искренний интерес, то, что самому действительно кажется значимым. При этом важным моментом для него было не только то, о чём говоришь со слушателями, но и как говоришь. Отец Александр избегал соблазна поучать в своих радиопередачах: «я живу на Западе, я все знаю и вам расскажу, как надо жить». Такого никогда не было. Все отмечали и тогда, и сейчас, что его разговор со слушателями – это всегда было общение на равных. Он понимал, что у людей в Советском Союзе есть определенный дефицит информации и мало доступных источников, чтобы почерпнуть что-либо о христианской вере. И у него просто было желание поделиться

с людьми своими мыслями, богословскими знаниями, своим опытом священнического служения.

И еще, понимаете ли, в то время слушать американское радио было не совсем легким и безопасным делом: нужно было купить приемник, уехать куда-нибудь за город, где радиосигнал не глушился. И поэтому человеку важно было ощущать доверие к диктору, чувствовать, что с ним разговаривает друг.

А если говорить о цикле бесед про культуру, то мне кажется, что желание посвятить ряд передач этой теме появилось у отца Александра во время так называемой «оттепели». Тогда на Западе стали появляться «литературные весточки» из Советского Союза – работы современных русских авторов. И одним из первых таких произведений, прочитанных в нашей семье, стала повесть Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Потом были и другие книги. И всё это ясно показало, что русская культура жива и продолжает жить в творчестве авторов, живущих в СССР, просто мы на Западе не знали этого. Это открытие и вдохновило отца Александра на создание цикла радиобесед о русской культуре.

Отец Александр всю жизнь прожил на Западе: после революции вместе с родителями переехал во Францию, там рос, учился, работал, принял сан. Последние годы провел в Америке. Но при этом он всегда говорил о том, что его родина – это Россия. Скажите, а в Вашей семье как-то особо поддерживалась эта связь с далекой родиной, как Вам, детям передавалось это чувство принадлежности к русской нации и к русской культуре?

Хотя мои родители и прожили всю жизнь в эмиграции, по своему внутреннему ощущению они всегда были русскими. Когда они попали в Париж, там уже было много русских беженцев, которые составляли особую нацию – нацию русской эмиграции. Это был такой самодостаточный мир: в русских кварталах были свои газеты, журналы, школы, театры, храмы. Это была такая маленькая Россия внутри французской столицы. И все эти люди считали себя носителями той настоящей России, которая в то время страдала и, казалось, что исчезает насовсем.

Что касается нашей семьи, то как-то особо нам, детям, не внушалось, что мы русские. Просто мы жили в этом окружении, где все между собой говорили по-русски. Да, по субботам все дети ходили в русскую школу, где нас учили писать. Наша мама очень много читала нам

в детстве русских книжек. Отец Александр очень любил русскую классику: Пушкина, Чехова, Достоевского. У него была прекрасная память и бывало, что он неожиданно, уловив некое вдохновение в душе, мог начать декламировать какое-нибудь стихотворение. Так что в целом это был такой естественный процесс приобщения к культуре – через традиции, церковные праздники, литературу. Это была такая русская жизнь, которая понемножку переходила в американскую.

Сегодня на презентации книги Вы сказали, что одной из главных внутренних черт о.Александра было умение по-настоящему радоваться жизни. Скажите, а как это умение выражалось в кругу семьи? Может быть, он как-то старался научить этому вас, детей, как-то передать этот дар радости?

На самом деле можно много вспомнить таких моментов. Ну, например, когда мы летом ездили всей семьей отдыхать в Канаду на дачу. Каждый день мы отправлялись на прогулку в лес. Казалось бы, какое обычное мероприятие – пойти прогуляться. Но нет, о.Александр делал из этого что-то особенное, нам детям, предстоящая прогулка преподносилась, как некое приключение. Мы обсуждали план действий: каким путём будем идти, что лучше одеть, вплоть до того, какую походную палку лучше взять. И каждому такому мини-походу давалось кое-либо особое название: сегодня мы пойдём на Версаль или на руины! Хотя казалось бы – это просто прогулка по тропинке в лесу.

Там же, близ дачи, стоял небольшой храм. И когда наступало время какого-либо церковного праздника, подготовка к нему тоже превращалась в некое увлекательное действие. Мы всей семьёй дружно готовились к этому дню, и каждый вносил свой вклад в общее дело. Я, например, всегда готовил кропило. Оно делалось своими руками, а для этого надо было пойти в лес, найти нужное дерево, сорвать веточки и потом правильно перевязать их. Понимаете, вся эта, казалось бы, обычная подготовка к празднику переживалась нами как нечто очень важное, и запоминалась на всю жизнь. С отцом Александром каждое событие приобретало некое новое, более возвышенное измерение. Он имел этот талант приносить в повседневность какое-то чувство праздника.

Знаете, довольно часто в своих воспоминаниях те, кто был знаком с отцом Александром, и я в том числе, изображаем его главным образом как очень открытого человека, который искренне любил жизнь и умел ей радоваться. Да, это всё так. Но стоит сказать, что при этом он весьма серьёзно относился к дисциплине – он требовал её как

от себя, так и от других. Ведь он же долгое время был деканом в Свято-Владимирской духовной семинарии, и был довольно строгим деканом. Отец Александр сравнивал обучение в семинарии с подготовкой военных офицеров. Ведь каждого священника ждёт множество трудностей на пути служения, а окружающие люди, его паства будут многого от него ожидать. Он всегда говорил, что главное, чему можно здесь научить – это подготовить выпускника семинарии к реальным трудностям церковного служения, которые ему обязательно встретятся в дальнейшем.

Строгость о.Александра проявлялась и в его отношении к богослужению. Здесь тоже всё должно было быть чётко и без ошибок. Вот, например, распространенная ситуация: когда на приходе служит один священник, он перед Литургией принимает исповедь, и часто бывает, что из-за того, что людей может быть много, батюшка вынужден задержать начало службы. Для отца Александра такое было невозможно, он считал так: «Что же, твои грехи важнее Божественной литургии?». Он никогда не мог себе позволить начать богослужение с опозданием. Другое дело, что после вечерней службы он оставался в храме до последнего, пока всех не исповедует, и часто приходил домой уже за полночь.

Служение отца Александра проходило в различных областях и включало множество направлений: это работа деканом семинарии и выступления на радио, работа над богословскими трудами и непосредственное пастырское служение. Скажите, такая колоссальная занятость не мешала ему проводить время с семьей и быть отцом в родительском смысле?

Как это неудивительно, но нет. Я не могу сказать, что, будучи ребёнком, испытывал какой-либо недостаток отцовского внимания. Он всегда находил время, чтобы побыть со своей семьёй. Даже когда он занимался работой - а он действительно очень много работал, - ему удавалось находить время для общения с детьми. Например, у отца дома был кабинет, в котором он часто работал, но при этом мы, дети, всегда могли прийти в это время туда и тоже чем-нибудь заняться. Это ему совершенно не мешало. Там была библиотека, я приходил и начинал что-нибудь читать в то время, как отец писал там свои заметки.

Мы могли вот так по несколько часов

сидеть вместе в тишине, только иногда кто-нибудь отрывался, чтобы поделиться с другим чем-нибудь интересным из прочитанного. Или же его работа на радио. Он часто брал меня вместе с собой в студию. Увлекательно было пройти вместе с ним несколько кварталов по оживлённым улицам Нью-Йорка. Мы шли и часто с разных сторон было слышно: «Hello, father Alexander!», ведь многие в том районе его знали. Он останавливался, обменивался какими-нибудь приветственными словами со знакомым человеком. И эта прогулка до работы тоже становилось очередным приключением с отцом.

Интервью с Сергеем Александровичем Шмеманом, записанное 14 декабря 2017 года.

«БЕЗУМНО ХОЛОДНО СТАЛО В МИРЕ... МНОГИЕ ЗАХОТЕЛИ БЫТЬ ПУШКИНЫМИ И ЗАБЫЛИ ПРО НЯНЬ И СВЯТЫХ»

Петр Тренин-Страусов

Вопрос моральной оценки искусства и коррекции его влияния на духовно-нравственное состояние общества в глобальной массовой культуре сегодня перемещается в область «неприличных», «неудобных», «несовременных» — нетолератных тем. Одновременно с этим усиливаются попытки возвести искусство (соединив его с наукой и технологиями) в ранг новой квази-религии «постхристианского» мира. Современные художники превращаются в своеобразных жрецов. Идеологией становится абсолютная «допустимость всего» и свобода от «табу» в нравственности. Отрицается существование Истины — это идеологически оформлено и закамуфлировано подменой сущности понятий уважения прав меньшинств, толерантности, права на свою точку зрения и т.п.

Базой и «надежной защитой» от христианства современное искусство считает абстрактное понимание добра, «более широкий и более современный» (чем «устаревшее» христианство) гуманизм: «Будем, дескать, любить людей, и с нас хватит» — определял такую точку зрения выдающийся русский православный мыслитель Сергей Иосифович Фудель. Однако, «это самообман. Человек непознаваем вне Бога, и только через Бога он может быть принимаем. Вне его он уродство. Только через Бога-Человека можно принять человека. Только влюбившись в Бога, можно влюбиться в человека, потому что только тогда догадаешься, что в человеке — Бог»*.

Переписка С.И. Фуделя — это настоящий источник глубоких, эмоциональных и ярких мыслей и оценок в отношении разных видов искусства. Фудель — не только ровесник XX века (он родился в 1901** году); XX век самыми страшными следами отпечатался в его жизни: на самые активные годы жизни (с 22 до 55 лет) пришлось три ареста за «участие в антисоветском

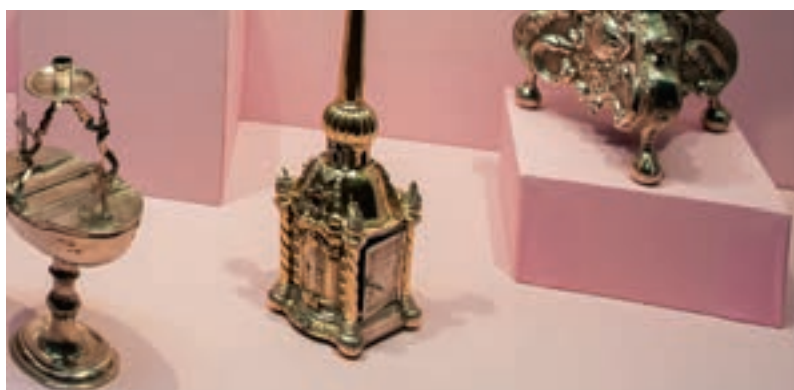
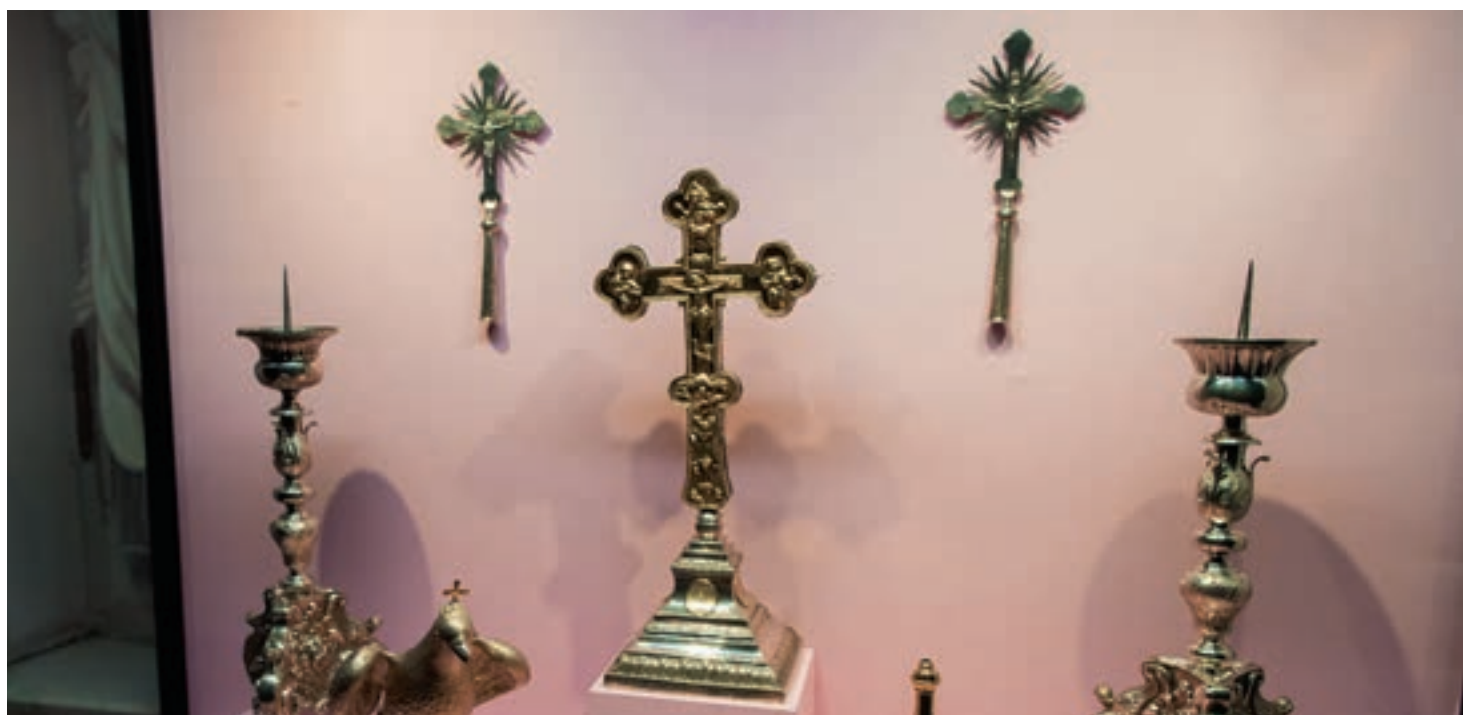
*. Здесь и далее письма переведены по: Фудель С.И. Собрание сочинений в трех томах. М.: Русский путь, 2001. Т. 1.

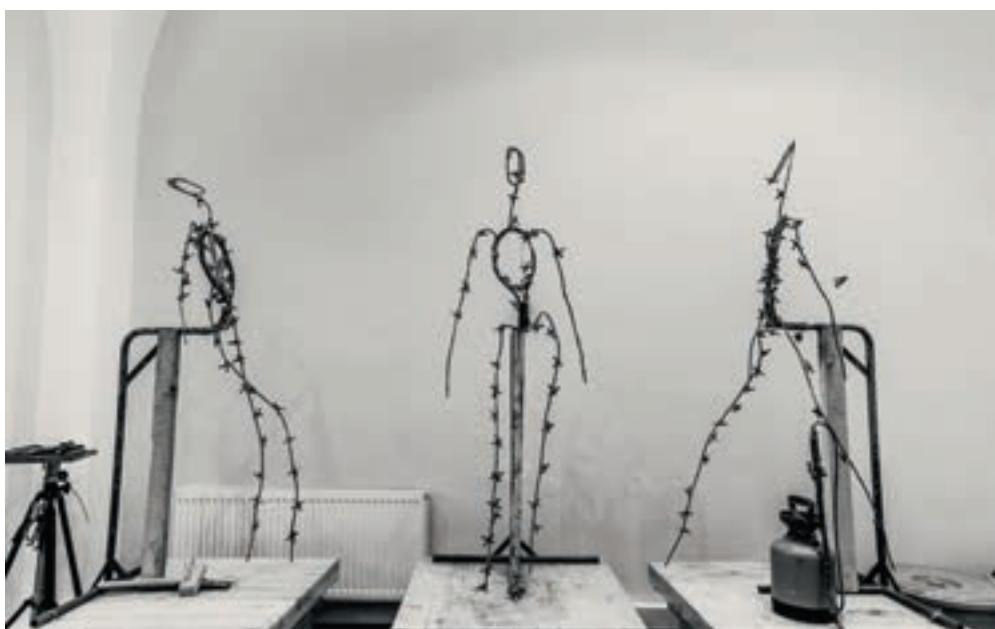
** С.И. Фудель родился 31 декабря 1900 года по старому стилю, то есть 13 января 1901 по новому. Разные даты рождения в разных 2 биографических материалах объясняются именно этим

церковном подполье» и три ссылки, каждый раз разделенные несколькими тревожными годами «передышки». Окончательно Фудель освободился, когда ему было уже 55 лет. Запрет жить ближе 100 км к Москве, где жила его семья, был особенно горьким, потому что означал фактически невозможность воссоединения с женой и детьми, которые стали взрослыми, и чья жизнь была связана с Москвой.

Всё общение любящих родственников концентрировалось в переписке. Опубликованная часть — это драматическое, радостное и обогащающее чтение, где как будто в художественном произведении (а как только вспоминаешь, что это «документальное чтение» — сжимается сердце) от даты к дате на конкретных примерах видно, как глубокая вера Сергея Иосифовича помогает преодолеть жуткую стесненность в финансовом плане, отвлекает от нее, утверждает приоритет духовной жизни и помогает наставлять взрослеющего сына.

До переписки вообще редко у кого доходит интерес и руки — слишком уж особенный это жанр. Однако мысли об искусстве и культуре, которыми щедро делился в письмах отец с сыном Николаем (который стал писателем) — это настоящие жемчужины. Это практические, точные и образные замечания, которые вместе формируют целостное и глубокое понимание места искусства в жизни человека, его задачи, возможности и, самое главное,

ограничения и подчиненное положение по отношению как к жизни, так и веры, без которой само искусство мертво.

1. Искусство – это работа по поиску Бога

В отличие от «вообще науки», где нет плохих и хороших открытий, которая не оперирует понятиями добра и зла, «нет ... «вообще» искусства, а есть хорошие или плохие, нужные или ненужные выражения особого человеческого творчества». Чтобы уметь ориентироваться в мире искусства, не потонуть в его многообразии, критически важно, во-первых, «выработать в себе чувство выбора, смелость выбора, уметь выбирать жемчуг из мусора», во-вторых, «не бояться... чтобы не было раболепства в искусстве, чтобы в нем не было фетишизма».

Фудель настаивает, что художник должен исследовать то, что люди в обыденной жизни скрывают, или что они забывают, или чего они не знают, или чего они стыдятся, или о чем они радуются про себя и удивляются — все это с дерзновением обнаруживает, открывает человек, имеющий дарование для этого открытия.

Открытие — это уже познание, но в случае искусства не рационалистическое. В отличие от науки, пишет С.И. Фудель, в искусстве нет препарирования фактов духовной жизни человека, а творческим методом становится созерцание. Творческий человек, как и «всякий идущий к Истине идет к ней для того, чтобы познать её – вкусить её сладости своим духом». В результате этого созерцания изнутри себя («очаи этого внутреннего мира») раскрывается Истина — в искусстве «люди познаются как

дети Божьи, как заблудшие боги, открывается их вечное, непреходящее сродство».

2. Как перестать завидовать гениям

Необходимо разомкнуть привычную и удобную для художника картину мира с ним на пьедестале, потому что «искусство не есть какое-то жертвоприношение, «не есть акт только в художнике совершаемый, а есть нечто совершаемое художником для других и с другими». Как ни странно, сегодня подобострастный взгляд на искусство и художника обнаруживается не только у самих художников, но и зачастую у критиков и самих зрителей. «Подобострастие к именам, наша неразборчивость к еде, которую эти «имена» предлагают, в нас весьма сильна. Я потому об этом много пишу, что сам часто ловлю себя на том же», — признается С.И. Фудель. Борьба с этим помогает понимание сокровенной тайны – «слово есть семя. Но тогда тем более важно и ответственно то, какие семена ты берешь».

Используя образы притч Нового Завета, С.И. Фудель предлагает относиться к художнику как к человеку, устроившему пир и пригласившему на него всех своих друзей. Каждый участвующий в пире, хотя он и не устраивал его, соучаствует во всем и во всем равноправен с хозяином: «читатель, принявший так высокое произведение прозы, становится действительно равноправен художнику». Мир идей и переживаний, который доступен зрителю, ничем не отличается от мира идей художника. Творчество в жизни – то же, что творчество в искусстве. Читатель становится ниже Пушкина не потому, что не умеет писать стихи, а потому

и только тогда, когда не хочет даже попытаться понять и достичь мудрости, простоты и покоя, которые были в Пушкине. Однако если читатель хочет и если достигает этого, то он перестает «завидовать» Пушкину, смотреть на него снизу вверх.

В другом письме С.И. Фудель еще больше заостряет этот тезис: «когда я говорю, что неизвестно, кто выше, кто нужнее, – Пушкин или его няня, – я вкладываю в это совершенно реальный, практический смысл (*имеется ввиду задача «увидеть красоты души» и работать над преображением её «и без стихов и со стихами» в «красоту нетленную»*). Дай Бог, чтобы было побольше няней! Потому-то и стало так безумно холодно в мире, что многие захотели быть Пушкиными и забыли про нянь и святых».

При этом читать можно почти всё, кроме «явно нечистого», но всегда надо уметь отсеивать мусор и выуживать

ценные зёрна. К тому же, изначальный выбор «сырья» – это процесс исключительно индивидуальный, а бояться ошибиться при его выборе или чрезмерно ограничивать поступление сырья не стоит, потому что всё равно «иная книга так вся и отсеется в мусор, от иной распуштитя в душе, где-то на зеленой поляне души «аленький цветочек»».

3. Искусство без веры бессмысленно. И стесняться этого нельзя

Истинную способность «различать семена» дает христианство – «только напившись его живой и студеной воды, человек выходит, точно ранним летним утром, из духоты своего безвольного сознания к мужественному различию добра и зла и к живому творчеству жизни». Современный мир искусства

в большинстве случаев резко отторгает любые заявления в этом направлении и окатывает волной снисходительного презрения их выразителей. С.И. Фудель тонко и с иронией ответил, точно предвосхищая наше время: «... для неверующего в Бога должна быть, собственно, непонятна только цель христианина – вечность... Спорить же о цели, повторяю, не приходится, но, с другой стороны, можем ли мы не «глядеть в корень» и не усмехнуться, слушая про все эти (нерелигиозные) великие базы искусства? Мы видим, что человек, голый и слабый, стоит между ночью небытия и божественным Светом. Что он выберет, куда пойдет, возлюбит ли он своего Бога и вечность?».

В искусстве, как и вообще в жизни «любовь к людям («деликатность») не должна вытеснять в душе любви к Богу, т.е. к «принципу», к «идее», к Истине». Как пройти по этой тонкой грани в искусстве, чтобы не оскорбить никого? Людям из «деликатности» может многое уступаться и прощаться, но не во имя абстрактной и безликой интеллигентности, а во имя Божие, и не по мягкотелости, а по любви, «всегда памятуя, что Бог есть причина и источник всякой любви и что тем самым эти уступки оправданы только тогда, когда они как-то ведут к славе Божией, а не к его оскорблению».

Без настоящего христианства, без

веры, «защитой» внутрь искусства, оно не может выполнить своего главного предназначения как для самого художника, творца, так и для зрителя – «безличная, безликая истина не греет, она «светит, но не греет», она подобна не Солнцу, а только электрическому юпитеру... Ты должен найти имя истине, ты должен назвать ее для себя». «Ужасно, – говорит в другом письме С.И. Фудель, – когда искусство начинает стыдиться этой величайшей и единственной своей цели».

Всего в переписке упоминается более 400 различных произведений искусства, как положительные, так и негативные, с точки зрения Фуделя, по воздействию на человека. Чтобы дать почувствовать тон обсуждения и подачи, приведу три кратких, но очень ярких комментария.

«Если люди не читали Евангелия, то пусть внимательно прочитают «Головлевых»» – на такую высоту воздействия на человека С.И. Фудель поднимает некоторые произведения искусства. В сочинении М.Е. Салтыкова-Щедрина, по словам С.И. Фуделя, «доказан» Иуда (или Иудушка), а, значит, тем самым «доказана» Тайная Вечеря – «доказан» Христос. «И вот поэтому-то, когда я дочитывал эту вещь, такое волнение радости охватило меня, такой трепет правды. Христос победил!». Я бы заставил всех верующих «проработать»

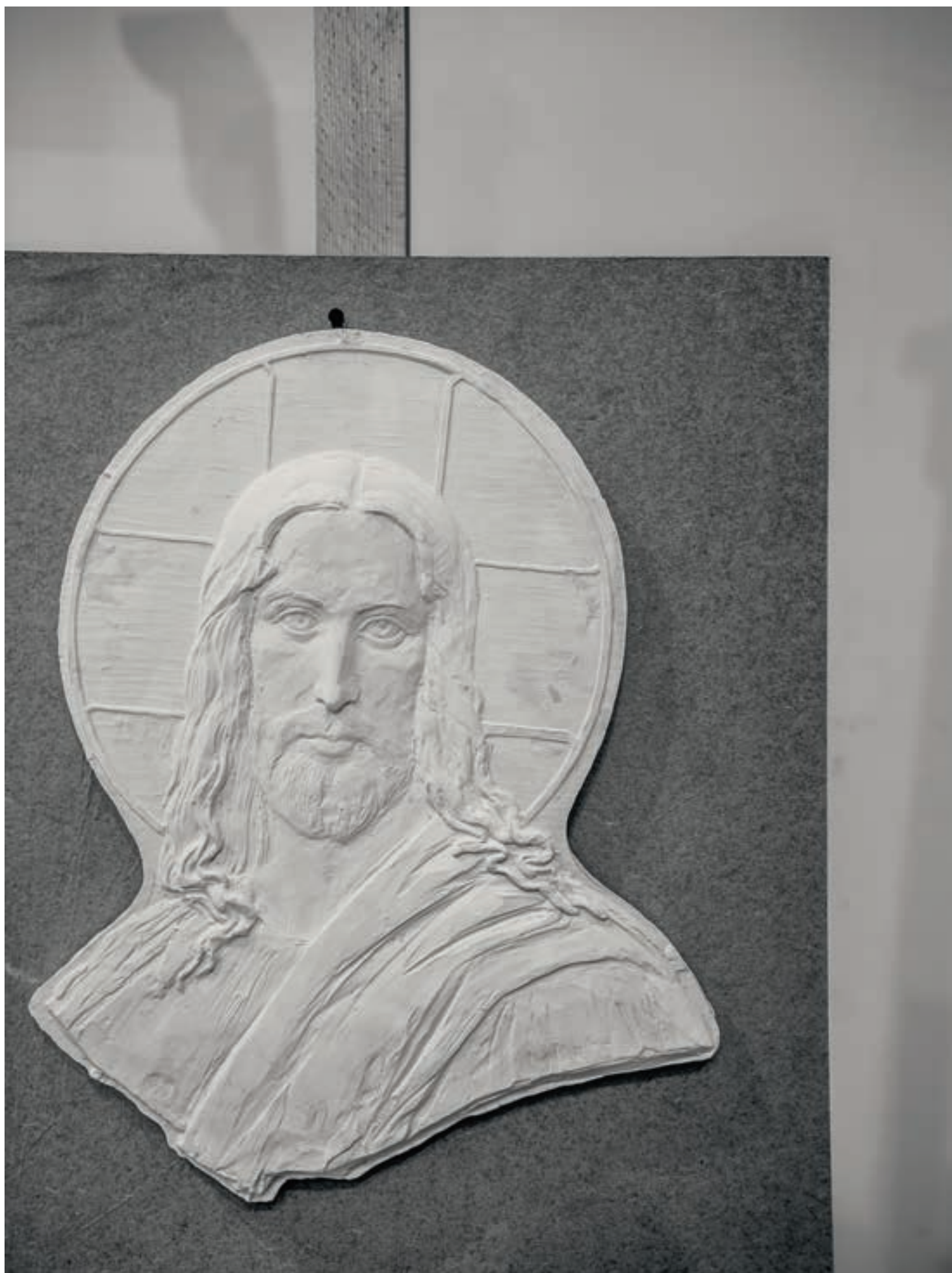

это произведение, если бы я только не знал, что уже 1900 лет назад было написано 23 главы Евангелия от Матфея, – признается С.И. Фудель.

«Евангельской простой правдой в искусстве» С.И. Фудель называет роман «Идиот» Ф.М. Достоевского: «Читаю, ухожу на работу на весь день и среди дня часто ловлю себя на том, что стараюсь быть лучше, чище, терпеливей, любовней, великодушной, проще, стараюсь подражать бедному Идиоту! Вот она, проповедь христианства, и я вновь услышал ее».

Один том Достоевского или эпизод у Ч. Диккенса, где маленький Джо умирает, силясь понять «Отче наш», «дают больше для доказательства силы христианства, чем иногда целая духовная семинария».

Только кажется, что в современном мире искусства все меняется, все новое, настоящее перечеркнуло прошлое, и поэтому мы даже не знаем, как относиться к тому, что происходит в этом мире. Так кажется только потому, что, возможно, от успехов в технике и науке, а, возможно, от чего-то еще у человечества «поплыла» ценностная база, точка, с которой оно смотрит на мир. В эти условиях популяризация взглядов именно православных - имеющих прочный нравственный фундамент - мыслителей на искусство, его предназначение и значимость для человека может укрепить и усилить аргументацию и глубину понимания вопроса у части общества, которая придерживается христианских ценностей и через веру воспринимает окружающий мир. Стройная и логичная, богатая и образная, «живая» христианская позиция в этом вопросе не может не остаться без интереса и имеет шансы стать привлекательной для «сомневающихся».

КУЛЬТУРА “СВОБОДЫ”, СОЗДАЮЩАЯ РАБОВ

Давид Бобров

Однажды два друга говорили о своих заветных мечтах. Один делился грезами о сцене, мечтал о стадионах восторженных зрителей, о том, что своим голосом будет покорять мир. Другой мечтал много путешествовать, знакомиться с людьми, посещать живописные места, наслаждаясь всем тем многообразием, которое предоставляет такая жизнь.

Два друга разговорились. Один рассказывал о надежде, о том, что однажды его кто-то заметит и, разглядев большой музыкальный талант, предъявит миру. Другой, изнемогая от серости жизни, желал чем-то ее разбавить.

Один пытался убедить себя в том, что обязательно в скором времени начнёт больше времени уделять музыке: развивать голос, писать песни, выкладывать их на YouTube. Но сейчас он ничего не делал, слепо веря в то, что однажды его мечта

осуществится сама, неожиданно – с ним вдруг свяжется продюсер и предложит фантастический контракт. С Джастином Бибером и некоторыми другими ведь тоже было нечто похожее...

Другой успел за свою недолгую жизнь (парню было от силы 21-22 года) перепробовать столько земных благ и удовольствий, что всё уже наскучило – он слишком, слишком многое попробовал, благо здоровья было с избытком. И теперь что-то мучило изнутри с такой силой, что ни алкоголь, ничто иное уже не притупляли боль, и чем сильнее он желал забыться, тем больше грезил о новых впечатлениях, которые на этот раз надеялся получить в путешествии.

Эти два друга – хороший пример современного понимания свободы, свободы без цели, без перспективы, свободы без умения её ценить. Эти два друга олицетворяют собой современную культуру потребления, в которой выбор всего и вся настолько необъятен,

что человек, зная (или догадываясь) о многовариантности последствий своих поступков, вполне «теплохладно» относится к своему образу жизни. Либо же, окунаясь в эту безграничную свободу с головой, идя на поводу падшего мира и поврежденной человеческой природы, окончательно себя разрушает.

Какова цена подобного отношения к свободе? Первое, что приходит на ум – время. Но разве всё настолько просто? Думаю, время мы не можем считать разменной монетой. Хотя бы потому, что не знаем, сколько его у каждого – семьдесят лет, восемьдесят...

Тогда что? Чтобы найти ответ, предлагаю задаться вопросом – что же такое мечта? Чем именно эти два друга делятся, чего именно хотят, рассуждая о том, какая в будущем жизнь их ждёт? Кем им предстоит стать?

Не знаю, какими будут ваши ответы на эти вопросы. Мне кажется, что мечта – это счастье.

Двое друзей делятся тем, что, по их мнению, сделает их жизнь счастливой. Счастье не так относительно на первый взгляд, как иногда кажется, и кому как не христианам это знать.

Любое представление о счастье без перспективы вечного ведет в тупик, и в какой-то момент принесёт боль и разочарование. Все люди имеют свободу, но, реализуя ее как попало, в погоне за мечтой без Бога, упираются в разбитое корыто.

Христианство предлагает этому миру Счастье и говорит о том, как в стремлении Его достичь мы учимся Любви, внутренне обновляемся, меняем свой образ мыслей и, вдохновляясь на вечную жизнь, стремимся отказаться от того, что сковывает свободу человека – от греха.

Именно поэтому странно слышать, что сегодня некоторые люди считают нас, христиан, противниками свободы, ограниченными,

заскорузло мыслящими и совершенно не умеющими быть счастливыми. Правы ли они?

В каждом столетии свои способы реализовать человеческую свободу, но так изощрённо и разнообразно как в нынешнее время – такого, пожалуй, в истории ещё не было. Современный мир предоставляет человеку возможность полностью погрузиться в любую жизнь, какую только пожелаешь.

Неважно, что составляет твой «рацион». Ограничений нет, все к твоим услугам! Закончились идеи – пожалуйста, тебе сразу принесут на блюдечке новые «тренды». Вроде бы – какие проблемы? Чем плох выбор и многообразие? Но ведь все мы знаем, как подпорченная еда действует на организм...

В чём же проблема? В неправильной культуре потребления? И христианское учение, вероятно, даёт ортодоксальную диету, которая очищает нашу душу от греховных «шлаков», придавая

ей румяную святость? Слишком вульгарно, однако именно так христианство нередко воспринимается людьми.

Верующие люди не просто меняют одно на другое – отказываются от мимолетных удовольствий в пользу вечных. В свете Веры им открывается иная свобода, которая и меняет их отношение к счастью.

На ум приходит цитата из моей любимой книги Уильяма Пола Янга «Хижина», где по сюжету Бог обращается к своему собеседнику с такими словами: «означает ли свобода то, что ты можешь делать все что хочешь? Или потолкуем обо всех ограничениях в твоей жизни, которые на самом деле лишают тебя свободы? О генетическом наследии твоей семьи, о твоей уникальной ДНК, об особенностях метаболизма, о всяких там квантах, которые выведут нас на надатомный уровень, где лишь Я являюсь вечным наблюдателем? Или же обсудим такие темы, как вторжение

в твою душу болезни, которая живет и сковывает тебя, влияние социума, окружающего тебя, привычки, которые порождают синаптические связи и прокладывают тропки в твоём разуме? А ведь есть еще реклама, пропаганда и парадигмы. Учитывая влияние всех этих факторов, всех этих влияний и ограничений, что на самом деле есть свобода? ... — только Я могу тебя освободить».

Вернёмся к вопросу о том, правы ли те, кто считает христиан противниками свободы, ограниченными, ортодоксально мыслящими и не умеющими быть счастливыми. Ответ придёт к нам тогда, когда мы представим ситуацию, аналогичную той, что была в начале.

Итак, двое православных делятся духовным опытом. Один убеждает другого, что нужно всё-всё вычитывать, по уставу поститься, раз в месяц исповедаться и как можно чаще причащаться.

Предупреждает о врагах православия, что подстерегают абсолютно везде, рассказывает о бесстыдницах, что в брюках и без платка заходят в храм, вообще о негодяях, которые одеваются как попало. Другой же считает, что не надо быть фанатиком. Богу нужна только наша вера. Конечно причастие нужно, но исповедоваться часто – зачем? Это излишне, он столько не грешит, старается жить благочестиво, никого не обижает и вообще прекрасный человек.

Два человека, называющие себя православными, замолчали. Один – думая о том, как ужасен стоящий напротив него. С некоторым даже упоением он представил адские мучения, которые уготованы таким грешникам. Второй – устало, поскольку у него болит голова после вчерашней вечеринки, где все так красиво рассуждали об Абсолюте, о Боге, а наш герой на вопрос о том, когда он последний раз был в храме, покраснев, быстро сменил тему.

Это пример крайностей среди верующих, тех крайностей, которые, лишая человека свободы, уводят от евангельского ориентира либо подменяют его чем-то иным.

Для чего нам этот пример? Для того, чтобы мы, христиане, не возвышали себя, помня о том, что, двигаясь по узкой дороге навстречу свободе, мы легко можем улететь в кювет.

Вернёмся снова к нашим мечтателям – какая жизнь их ждёт, да и жизнь ли это? Сегодня культ безграничной свободы предлагает неслыханные возможности потребления, иными словами – он не даёт человеку перспективу жизни, но он обещает ему веселую смерть. Смерть без мучительных размышлений о том, кто ты и что ты имеешь в настоящем, в предвкушении еще более лучшего, красочного и завораживающего...

А ведь рядом с нашими мечтателями всё это время стоял Он, у Которого глаза полны любви, и к этому Счастью они стоят повернувшись спиной, мечтая о сиюминутных перспективах в искусственном Им мире. Кто повернёт их?

ВСЛУШИВАЯСЬ В ДРУГОЙ БАРАБАН

Протоиерей Евгений Горячев

«Видит Бог, я не считаю себя хорошим, но даже мерзавец иногда встаёт против мира, как святой».

Г. К. Честертон

Роман Кена Кизи «Над гнездом кукушки» (1962) иногда называют манифестом американского нонконформизма.

В 1975 году, спустя тринадцать лет после первой публикации, чешский режиссер-эмигрант Милош Форман экранизировал это произведение. Его интерпретация первоисточника превзошла все ожидания. Слегка отличающаяся от оригинала своим наименованием двухчасовая киноверсия получилась настолько триумфальной, что сам Форман и ряд других участников проекта сразу же оказались на самом вершине репутационного и коммерческого успеха. И все же главная слава была еще впереди.

Время летит очень быстро, а вместе с ним также быстро меняются и культурные парадигмы. То, что было модным вчера, сегодня не вызывает у людей никакого интереса. Это можно сказать почти обо всем, кроме классики. «Кукушка» Формана наверняка войдет в списки нестареющего наследия человечества, поскольку уже полвека этот фильм не перестает быть одним из самых популярных произведений мирового киноискусства. В чем же секрет его столь устойчивой содержательной и художественной востребованности?

Сюжет

Рэндел Патрик Макмерфи, отбывающий тюремный срок за хулиганство и сексуальную связь с несовершеннолетней, отправлен администрацией колонии в психиатрическую клинику на обычное

профилактическое обследование. Однако, стандартная процедура оборачивается чередой бед и открытий.

Внешне весьма уважаемая больница по факту оказывается ничем не лучше тюрьмы. Неоправданно деспотичные условия содержания вменяемых пациентов, пропаганда им искаженных жизненных ориентиров, сомнительные средства терапевтического воздействия и прочие системные «безобразия», с которыми сталкивается в этом месте главный герой, становятся, в конечном счете, причиной его серьезного конфликта с Милдред Рэтчед – старшей медсестрой отделения и единственным создателем данного положения вещей.

Конфликт прогрессирует. Постепенно в противостояние втягивается большая часть дееспособных пациентов, которые занимают сторону Макмерфи. Не видя шансов сохранить в созданных сестрой Рэтчед условиях собственное психическое здоровье, Макмерфи решает на побег. Однако, отказывается

от него в самый последний момент. Будучи буквально в двух шагах от свободы, главный герой становится свидетелем того, как сестра Рэтчед доводит одного из пациентов до самоубийства. В ответ Макмерфи пытается ее задушить, но подоспевшие санитары скручивают ему руки. В результате насильственной лоботомии Макмерфи лишается разума, а с ним и нормального человеческого облика. Не в силах видеть вегетативное состояние своего друга и общего лидера, могучий пациент по прозвищу «Вождь» обрывает жизнь спящего героя, а затем совершает побег тем самым невероятным способом, о котором другие пациенты больницы некогда спорили с Рэнделом Патриком Макмерфи.

Зачем нам это?

На первый взгляд, в этой картине нет ничего специфически христианского, ничего нравственно назидательного. Но не будем торопиться с выводами.

На наш взгляд, этот фильм следует обсуждать хотя бы потому, что Церковь всегда старалась вдумчиво реагировать на выдающиеся произведения человеческой культуры, созданные как в отдаленном прошлом, так и в наши дни. То, что не все эти произведения являются христианскими и, значит, морально полезными, ничего не меняет. Если некий культурный феномен хоть

сколько-нибудь значителен, на него непременно должна распространяться христианская экзегеза.

«Полет над гнездом кукушки» очевидно шедевр – шедевр неконформистской сотериологии – и в качестве такового нуждается в нашем пристальном изучении.

Двойное дно

У каждого великого произведения культуры есть несколько измерений. Во-первых, то, что вложил в него сам автор, и во-вторых, то, что произошло с этим культурным явлением помимо авторского замысла – некая продолжающаяся самостоятельная жизнь монументальных сооружений, литературных текстов, живописных полотен, кинофильмов, музыки и даже ритуалов. И в этой связи мы можем начать интерпретацию «Полета над гнездом кукушки» именно с этого метаисторического отношения к оригиналу, то есть на какое-то время абстрагироваться от всего того, что нам известно и про Кена Кизи, и про Милоша Формана, и про их время.

Первое, что приходит на ум феноменологическому наблюдателю – это модернизированный, но вполне узнаваемый миф о титане Прометее. В новой трактовке старого античного сюжета перед нами социум, в котором живут псевдобольные: люди, заметно отличающиеся

от остального нормального большинства. Они другие? Да, несомненно. Но они не сумасшедшие.

«Зевс и все олимпийцы» – это, по сути, сложившаяся государственно-общественная система, которая не хочет сотрудничать и общаться с такими людьми на равных (это потребовало бы большого умственного труда, почти искусства), и поэтому система подталкивает необычных членов социума к изоляции, внушает им, что будет лучше, если они согласятся на отведенную им второсортную роль. И они, увы, соглашаются.

Общество – люди системы – безусловно ведет себя аморально либо антигуманно, но с точки зрения реконструкторов древнего мифа, согрешают и уступившие системе «психи», оказавшиеся в общественном гетто без борьбы. Вина непатологичных, а именно необычных пациентов этой символической психбольницы заключается в том, что они находятся там добровольно.

Архитипичный Макмерфи – это, по сути, новый современный Прометей, тот, кто одинаково возмущен неправдой тех и других! Нравится ли он нам в этом качестве чисто эмоционально? Безусловно.

*«Раз ночь длинна, жгут едва-едва
И берегут и силы и дрова,
Зря не шумят и не портят лес.
Но иногда найдется вдруг чудак
Этот чудак все сделает не так
И его костер вззовётся до небес».*

Однако в обычной жизни Макмерфи скорее хулиган, чем титан-богоборец. Не склонный к компромиссам в борьбе за собственное достоинство (как правило, предельно эгоистичное), он большую часть жизни тратит свой «порох» напрасно. Бар, парковка, казино, очередь в магазине... Ему все равно, где затеять драку, если он чувствует какую-то несправедливость. И в этом мелочном

свободолюбии он, наверняка, так бы и сгинул в каких-нибудь уличных потасовках или полицейских участках, но вдруг ему выпадает шанс побороться за действительную правду, побороться по-настоящему, не на жизнь, а на смерть. Макмерфи этот шанс не упускает.

Возможно ли такое? Возможно ли подлинное благо, приходящее в этот мир через негодяя или авантюриста? Есть ли хоть какая-то настоящая польза от блудника, кощунника или, допустим, от горького пьяницы? Ответ неоднозначен, поскольку мера «коснения» во грехе у всех людей разная. И все же, вспоминая конкретные губительные пристрастия, зафиксированные в биографиях А. С. Пушкина, Льва Толстого или, например, того же Высоцкого, лично я более склоняюсь к положительному, нежели к отрицательному ответу, ибо жизнь названных людей не сводима к их недостаткам.

Слова Честертона, взятые эпиграфом к этой статье, вполне применимы

и к нашему амбивалентному персонажу. Мы можем справедливо не видеть в Макмерфи английского джентльмена (тем более православного христианина), но, вместе с тем, должны признать, что этот сластолюбивый бретёр, этот насмешливый беспринципный бунтарь, находясь в опасных условиях, решительно восстает против «культурного зоологизма» сестры Рэтчед. Парадокс, но закоренелый грешник ведет себя в трудной жизненной ситуации как человек несомненной чести и альтруизма, в отличие от многих законопослушных цивилизованных и при этом абсолютно аморфных членов общества.

*«Тот был умней кто свой огонь сберег,
Он обогреть других уже не мог,
Но без потерь дожил до теплых дней.
А ты был не прав – ты все спалил за час
И через час большой огонь угас,
Но в этот час стало всем теплей».*

Борясь с авторитарной сестрой Рэтчед за человеческое достоинство мнимых больных, Макмерфи именно своей бескомпромиссностью, вплоть до неожиданного принесения себя в жертву, делает для этих людей больше, нежели он смог бы для них сделать, продолжая просто жить, как он жил раньше. Скорее всего в обычном традиционном социуме он никогда не стал бы своим. И вот судьба (а в действительности Бог) использует его вечно протестующую натуру для того, чтобы сделать хоть что-то хорошее*.

Русские ассоциации, связанные с названием книги и фильма, особенно уместны для такого взгляда. В английском языке слово «кукушка» («сискоо») и слово «сумасшедший», как известно, синонимы. Отсюда, по видимому, произошла и наша фраза: «ты что ку-ку»?; или: «ты что, рехнулся?»

*. «Промысл Божий... возникающее чрез удаление от добра зло пресекает и обращает к добрым последствиям» (Свят. Филарет, митр. Московский).

(ср. «are you cisko»?).

Автор, давший такое специфическое название своему произведению, как бы парит над миром, который выглядит для него сумасшедшим домом («гнездом кукушки»), в котором по-настоящему больных совсем немного; остальные – либо загнанные туда разными способами жертвы, либо их культурные мучители. И писатель, и режиссер лишь наблюдают, всего лишь описывают то, что с их точки зрения происходит повсеместно. В то время как русский «случайный» ассоциативный ряд выглядит намного глубже оригинального.

У кукушки нет гнезда. Природный кукушонок всегда выживает за счет чужих жизней, – убитых им чьих-то птенцов. Но Макмерфи это человеческий кукушонок, кукушонок наизнанку... Поэтому он выталкивает из опасного «сумасшедшего» гнезда некоторых его случайных «птенцов»-пациентов; выталкивает их ценой своей собственной жизни.

«Тот, кто идет не в ногу, слышит другой барабан».

Теперь два слова об оценке изначального авторского замысла. Для американца Кена Кизи и его знаменитого чешского кино-интерпретатора поведение главного героя, по-видимому, и есть единственный цивилизационный выход из культурного и мировоззренческого кризиса, – нонконформистский путь спасения. И поэтому, если думающие люди хотят выжить, они должны (по мысли писателя и режиссера) либо быть как Макмерфи, либо, в той или иной мере, подражать ему. На наш взгляд, и то, и другое неверно, поскольку сражающийся Макмерфи прав лишь в том случае, если он не знает другого пути.

Когда мы чисто эмоционально смотрим на то, как главный герой душил сестру Рэтчед, живущее в нас не преображенное языческое начало может это поддерживать. И это плохо. Но есть и нечто иное. В другой своей ипостаси – как убежденные христиане – мы понимаем, что в любых жизненных обстоятельствах стремление к разрешению конфликта евангельским способом – это и есть то лучшее, что мы можем предложить миру. Ведь для людей новозаветной веры наш мир это не столько поле жестокой битвы, с четким разграничением доброй и злой стороны, сколько больница, в которой все, включая «системных» злодеев, нуждаются в Откровении.

В идеальном плане православному сознанию должны быть гораздо ближе не те исторические и художественные персонажи, кто остервенело и до смерти бьется с инакомыслящими, а те, кто старается их понять, те, кто, как может, врачевает болезненное противостояние несчастных Божьих созданий (ср. Лук. 23: 34).

Закончим мы все-таки похвалой. Одна из центральных символических сцен этого фильма подлинно христианская. Когда Макмерфи пытается сдвинуть с места неподъемный умывальник, его неудача сопровождается знаменитой фразой: «Я хотя бы попытался». В духовной жизни это значит очень многое. Бог должен видеть нас в напряженном евангельском труде, даже если особых плодов эти наши усилия не приносят, ибо *«с нас не спросят за то, чего мы не могли, но только за то, что могли, и не захотели»*.

